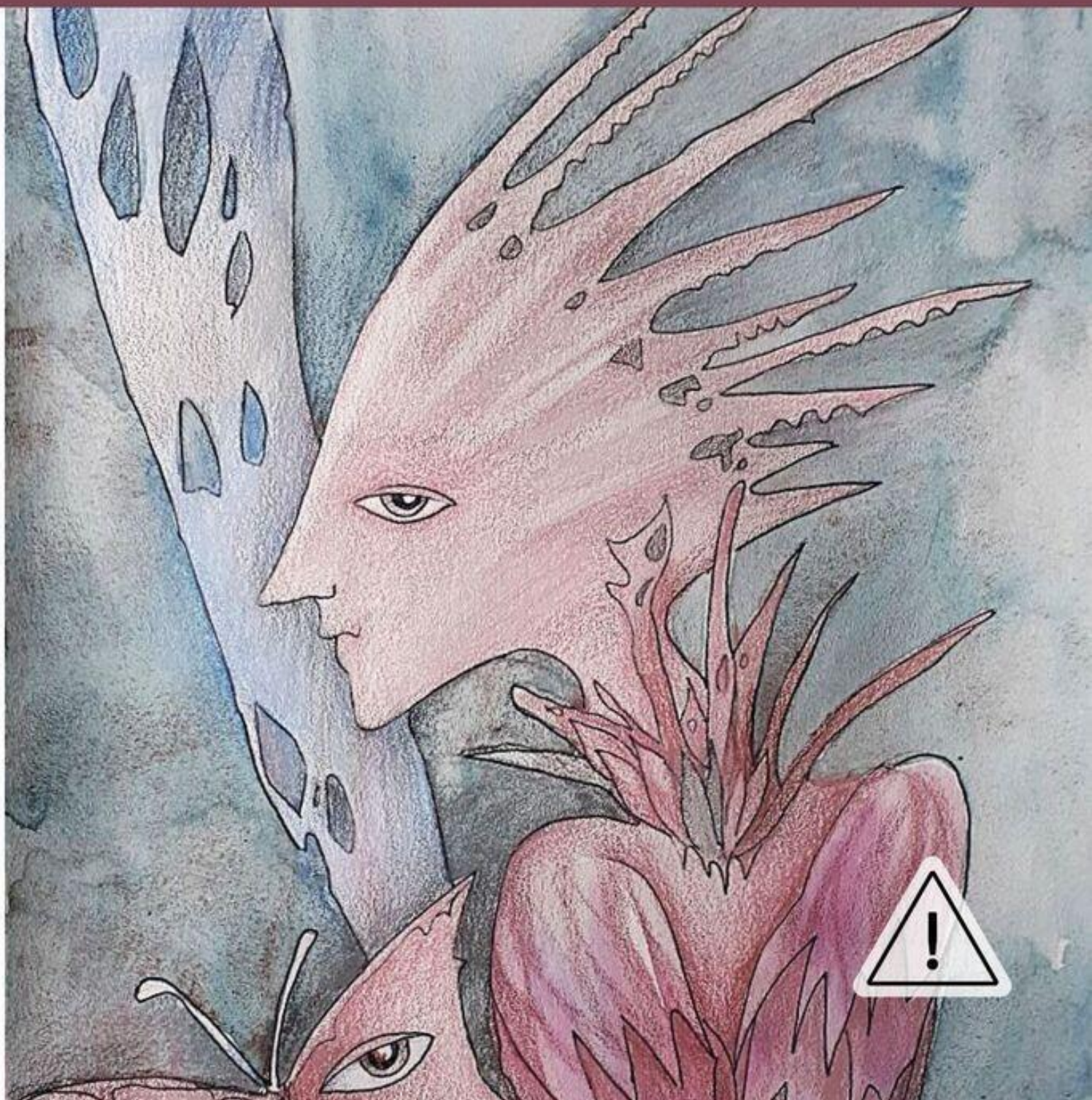
18+

Екатерина Таранова

Бегство в страну ветров

Мемуары звездочёта

Екатерина Таранова

Бегство в страну ветров. Мемуары звездочёта

«Издательские решения»

Таранова Е.

Бегство в страну ветров. Мемуары звездочёта / Е. Таранова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Эта история Звездочёта при королевском дворе, где происходят необычные события и живут причудливые персонажи: канатоходцы, зеркальные странники, церемониймейстеры, василиски и вампиры. Автор проведёт читателя через лабиринт вместе с главной героиней, которая ищет свободы.

© Таранова Е.
© Издательские решения

Содержание

Бегство в страну ветров 6
1 6
2 22
3 25
4 28
5 30
6 33
7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Бегство в страну ветров
Мемуары звездочёта

Екатерина Таранова

© Екатерина Таранова, 2026

ISBN 978-5-0071-6233-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бегство в страну ветров
Мемуары звездочёта

1

Могу ли я утверждать, что день, когда мне удалось заполучить должность придворного звездочёта, стал для меня счастливейшим в жизни? Да, в тот день мне так и казалось. Помню, какая была погода, до малейших подробностей.

Сегодня всё не так. Всё изменилось в худшую сторону, необратимо. Кажется, сейчас невозможно ничего вернуть. Заточение в тюрьме и казни для многих из нас стали реальностью. Со дня на день мне могут отрубить голову. А я как никогда не была готова к мысли об том, что могу закончить свой путь. Мысли разбегаются, я не способна сформулировать и простые фразы, люди вокруг кажутся картонными.

Сейчас всё иначе. Обезьянки в столовой выходят из берегов, как океаны во время ливня, растут по всем углам, словно свежая трава. Чем море отличается от океана, а трава — от дерева, спрашиваю я себя? Тем, что говорят они каждый на своём языке, и ещё они видят сны, чьи цвета противоположны друг другу по цветовой гамме.

На чём я остановилась? Ах да, наши маленькие ручные обезьянки. Леди Охмильфольцен любила оказывать потерявшим всякую меру в озорстве животным своё высочайшее покровительство. Поэтому им никто и никогда слова не мог сказать поперек. Они бегали по незапертым комнатам придворных и воровали вещи.

Ну, это был хороший день, ведь я к нему долго стремилась и упорно шла. Какая же была погода, чёрт ее подери? Снег? Время, когда маленькие нищенки тщетно прячутся в лохмотья и всё равно промерзают насквозь, до кости?

Дождь?

Может, ноябрьские сумерки?

Веял ли косоглазый ветер, злобный и тревожащий, заставляющий палачей старательно полировать топоры, предварительно счищая с них всю ржавчину? Погода…

Не могу вспомнить. Кажется, в тот день я выглянула в окно. Высокое, узкое. Несмотря на его узость, мне удалось протиснуться в форточку. И я глотала воздух, плывущий за пределом замковых стен. Жадно распахивая рот, как доисторическая рыба. Выходит дело, в королевском дворце было душно. А снаружи прохладно.

Первые дни осени помню совершенно отчётливо. Паучки, летящие по ветру как неугомонные всадники, оседлавшие крохотные паутинные ниточки. Помню яркие, сумасшедшие, красные листья Брондельстанца, дерева, особенно болезненно переживающего первые холодные ночи. Брондельстанц в это время года всегда щетинится листьями-иголками, похожими на иглы дикобраза, мягкими, но острыми, словно вспышки фейерверков в праздничном небе.

Должность придворного звездочёта — прямая дорога к должности астролога. Разумеется, пройти по этому пути непросто. Но возможно.

Пока я сижу и вдохновенно размышляю о карьерном мостике, леди Охмильфольцен приступает к обычной вечерней трапезе. Барон Офланц закрепляет фарфоровую прищепку на носу. Таким нехитрым способом он намеревается себя обезопасить от эстетического и парфюмерного шока. Его прищепка — изящная вещица, ей место в музее. Многие придворные любят необычные вещи и собирают из них коллекции. Королева этому никак не препятствует. Не поощряет. Но и не мешает.

Из длинных кружевных рукавов старухи Охмильфольцен, скушанных молью и укрытых пятнами варенья столь же плотно, как укрывает песчаный берег осенняя листва, выползают дрессированные насекомые разных видов и природы. Как призрачные, так и вполне реальные. Чешуекрылые имеют изысканный леопардовый окрас. Из одежды баронессы появляются не только червячки, но и тараканы.

Все домочадцы знают об особенностях старухи. И её дружбе с насекомыми. Из вежливости они делают вид, что ничего не происходит. Так удобнее.

Трапеза идёт неспешным ходом.

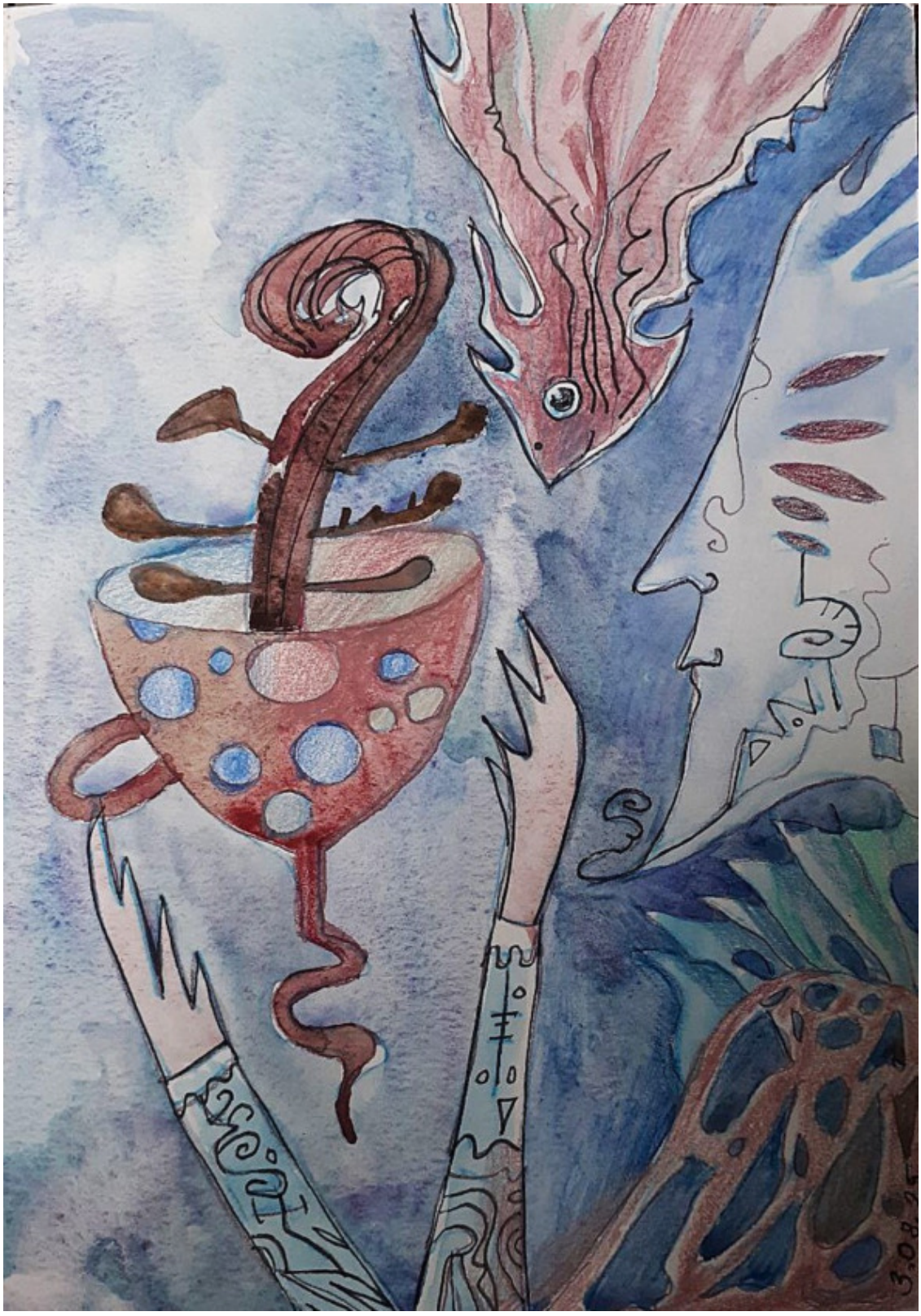
Виноград и перепелиные яйца.

Кроваво-красный глинтвейн и мерцающие подтёки с дерева олли, пожирающего зазевавшиеся сны. Кушанья, самые не похожие ни на что привычное, несхожие с обыденностью, всевозможные разносолы и напитки.

Я лениво ковыряюсь вилкой в пудинге. Я очень стараюсь унестись в свои воображаемые миры. Одиночество, переживаемое даже в густой толпе, ночные разговоры, мечты увидеть нечто иное, чем придворная жизнь — всё смешалось в чрезмерно сытной еде, тонуло в ней, стремилось исчезнуть, но я не хотела так легко отказываться от фантазий.

После пудинга пробую прожевать и проглотить кусок жареного карпа. Да, во дворце принято есть именно так: после сладкого десерта — солёная рыба с хрустящей корочкой. Думаю: у отдельно взятых людей, вроде нашего повара или церемониймейстера, просто нет своей жизни. Из-за ее отсутствия они находят смысл в подобных ритуалах.

Поэтому придворные сидят за столом и болтают ни о чём целыми часами. А вот мне всегда было жаль тратить время на китайские церемонии. Но так уж было предписано, таков порядок жизни при дворе. Если бы мне позволили, я бы целые века посвятила наблюдению за звёздами.

Однако придворная жизнь диктует свои резоны — попробуй, отклонись от курса. Не советовала бы никому пускаться в подобные эксперименты. Скрипачи и укротители зеркальных отражений, скульпторши и географы — все они и рады бы не соблюдать утомительный и пожирающий целые часы жизни придворный этикет, разработанный горбатым церемониймейстером Сквошем. И рады бы не следовать правилам. Вот только штрафные санкции и необходимость за каждую мелочную провинность писать объяснительные отбивает охоту к бунтар-

ству. Я слышала, прежде среди нас было немало тех, кто пытался подкупить Сквоша ради отмены опасной церемонии танца на крыше дворца. После нее количество разбившихся придворных исчислялось десятками. Могильщикам добавлялось сверхурочной работы, но всё без толку. Сквош потому и получил свою должность, что отличался неподкупностью.

Многочисленные церемонии… Почти каждую неделю придворные занимались чем-то новым: то рисованием акварелью и разведёнными в воде редкими сортами чая, то театральными постановками. То принудительной расшифровкой сновидений, то танцами на ходулях. Помню, как-то раз Сквош дал нам особенное задание — мы должны были в течение длинного дня изображать чудовище, птицу или лестницу. Не делая исключений — вживаться в роль нужно было даже тогда, когда придворный сидел в одиночестве в своей комнате. Помню, распределение ролей происходило согласно жребию. Каждому доставалось что-то свое, так что порой, если дело касалось церемоний, эффекта заезженной пластинки повторяющегося ритуала удавалось избежать. Барон Офланц должен был изображать Минотавра. Солёная Соль — лабиринт. Сквош — Ангела, который вращает колесо Фортуны. Ваша покорная слуга — Маяк, приманивающий осенние ветры и заблудившиеся корабли.

Ну а сам церемониймейстер Сквош старательно записывал в особую тетрадь все нюансы нашего поведения.

Он степенно произносил: «Это может пригодиться для будущих церемониймейстеров».

И попробуй ему возрази.

Сквош записывал, как барон Офланц, вжившийся в роль Минотавра, сбрасывал рога и играл на флейте. Сквош зарисовывал, как танцует леди Охмильфольцен, изображающая сомлевшего от сока кактуса ройи василиска, который меняет старую кожу.

Сегодня за столом присутствует и он сам, тот, кому все эти церемонии только в удовольствие. Ведь Сквош так одинок, что любой выход в люди его лишь развлекает. А также — барон Офланц с прищепкой на носу, чья голова, впрочем, поражает новичков при дворе не только этой особенностью — дышать и жадно поглощать рыбное филе несмотря на прищепку на носу, — но ещё и париком, который выглядит так потрёпанно, словно им недели две мели улицы. И разумеется, стеклянным глазом из венецианского стекла.

Пребывая в хорошем настроении, барон Офланц любит рассказывать, что этот выпуклый и для многих всё же жуткий на вид глаз сохранил в себе прозрачные и приплюснутые городские отражения. Благодаря чему и теперь, проживая в нашей высокогорной крепости, Офланц видит сны.

Он рассказывал, что сновидения эти похожи на полупрозрачных наяд, чьи рукава пропитались солёным воздухом лагуны, в то время как само их платье, кажется, вдоволь надышалось дымом — здесь, в этих холодных землях, где многие никогда в своей жизни не слышали о солнечных зайчиках на воде. Барон Офланц говорил: именно этим глазом он видит во сне каналы в приморском городе, куда ездил когда-то очень давно. Видит палаццо и сырые, продуваемые зимние ветрами площади. Он созерцает чернеющие от оборок плесени и бахромы морской гнили основания зданий. Видит восклицательные знаки бесчисленных свай. Он разглядывает мосты и облупившуюся кирпичную кладку стен. Чайки над ржавой черепицей крыш приглашают барона к полету. И в этих сновидениях он всегда с охотой летает над лагуной и колокольнями.

Барон парит, начисто забыв о страхе высоты.

Это всё — в хорошем настроении. В меланхолии барон Офланц ничего не говорит, пожирает свой ужин, обед или стылый утрень. Он ест, окружив себя стеной молчания.

Он ведёт себя так, словно все остальные придворные за столом чем-то перед ним непоправимо виноваты.

В чём? Может, он заметил: кто-то пользуется его хрустальным телескопом или морилкой для бабочек. Кто-то из придворных шарит по его вещам?

Иногда Офланц гуляет по ночам в горах, рискуя свернуть себе шею на крутых склонах, там, где даже барсы летают с выступа на выступ, соблюдая строгую кошачью осторожность, — так вот, иногда, нагулявшись и вернувшись в свою каморку, где пахнет теплой шерстью и прорастающими из стен грибами, он чувствует: здесь кто-то был.

Кто-то перебирал его вещи.

Доказательств нет.

Это скорее нечто неуловимое, на уровне интуитивного ощущения: волоски на руках встают дыбом, мурашки бегают под кожей. Едва внятные следы чужого присутствия — складки на постели образуют непривычный узор. Плотная пыль на прикроватном столике лежит не так, как должна.

Безусловно, любой здравомыслящий человек скажет, что рассуждать так о пыли — безумие. Это субстанция не может быть живой, не может вести себя одухотворенно, иметь настроение и перемещаться с места на место. Это всего лишь пыль. Мягкий серый бархат, который имеет обыкновение скапливаться на горизонтальных поверхностях зеркального трюмо, на лакированных шкатулках, на крышке клавесина. Просто пыль. Зола непослушных, сбежавших из тюремных ячеек минут и секунд.

Но пыль вела себя не так, как должно. И барон Офланц на что-то дулся, обижался.

За столом, кроме него и леди Охмильфольцен, с платья которой продолжают расползаться во все стороны бесконечные насекомые, кроме меня и горбуна Сквоша, кроме королевы и королевского дегустатора, проверяющего горошины и соловьиный язычок в её тарелке на наличие яда, — за столом восседает ещё виолончелистка и директор театра марионеток мадам Эфемерида.

Внешность этой дамы отличается такой непомерной экстравагантностью, словно она тоже, как и Офланц, стремится вызвать у окружающих чувство вины.

Эфемерида бледна. Её кожа отливает серым.

Порой кажется, что она помрёт прямо тут, в столовой, при свете каминного пламени и свечей. Не знаю, какой шутник придумал для нее прозвище «мадам». Правда в том, что она не имеет титула баронессы, герцогини или фрау, но это ведь не повод для издевательства. Во всяком случае, обозначение «мадам» ей не подходит — она для этого слишком юна. Точная дата рождения Эфемериды мне неизвестна. Её гороскоп и астрологическую карту я пока ещё не составляла. Но ей явно никак не может быть больше восьмидесяти пяти, а это значит — она только начинает жить.

В то время как почти каждому из сидящих за этим столом уже почти девятьсот или тысяча лет. А кое-кому и вовсе за тысячу перевалило. То есть мы все — личности зрелые, некоторых и вовсе можно считать стариками. Но у нас, при дворе, не принято заострять на этом внимание. Тогда как Эфемерида — подросток, недавно покинувший солнечное пятно детства. Об этом говорит её цыплячья шея, торчащая из высокого воротника в форме африканской каллы.

Тугая ткань распространяет вокруг себя терпкий аромат аниса, коричных палочек и сандалового масла. Дух не слишком сильный, чтобы он был способен всерьез помешать остальным. Но отчётливо ощутимый на расстоянии вытянутой руки. Никто не может точно объяснить, почему мадам Эфемериду зовут именно так. И она в любом случае носит своё имя на поверхности личности изящно, как бархатный берет на голове. Изъеденный Молью Вампир давно высказал предположение — Эфемерида получила свое имя из-за пристрастия к змеиной чешуе.

Она ищет чешую всюду, где только можно. И даже там, где этого делать нельзя.

По пятницам, когда в дворце обычно объявляют змеиный день, мадам всегда подолгу торчит в комнате ядов, несмотря на чад и вонь, собирая со столов алхимиков и герпетологов

серебристые кругляши, которые остаются там после того, как змея сбрасывает прочь старую шкурку.

Повара, поварята, кухарки и по уши выпачканные в змеиной чешуе колдуны смотрят на Эфемериду косо. Нельзя сказать, что им мешают её аккуратно выверенные, предельно осторожные движения.

Просто они справедливо считают: тому, кто ест за одним столом с королевой, совсем не место в секретных лабораториях, конюшнях и на кухнях. А Эфемерида часто суёт свой нос в эти места. Она надеется: вдруг где-нибудь возьмёт и попадётся случайно сброшенная змеиная чешуя? Что касается высокопоставленных придворных, то, кроме нее, на кухнях и в конюшнях бывает ещё и дегустатор. Но этот угрюмец захаживает в подсобные помещения исключительно по долгу службы. Он ведь обязан следить за тем, какого качества рыба доставляется к королевскому столу. Он придирчиво пробует вина, отхлебывая прямо из графина, так что на стекле остаются некрасивые пятна. Он оценивает приправы, залезая кончиком носа в мешочки с бадьяном и чабрецом. Окуная палец в соусницы. Но даже он бывает на кухне, в курятнике или на сеновале не так часто, как мадам Эфемерида.

Итак, она собирает змеиную чешую, складывая ее в ридикюль, вышитый бисером. Блестящее к блестящему. Разумеется, странно — вот только кто из слуг стал бы мешать?

Другое объяснение, почему мадам зовут так, а не иначе — хранение коллекции бабочек в ее комнате. Застеклённые коробки с чешуекрылыми не висят на стенах, как можно было бы ожидать. Они со всем возможным прилежанием спрятаны в ящиках комода. Откуда мне это известно? Эфемерида сама показала мне коллекцию. Это произошло еще в те дни, когда мы с ней дружили. Стена была нужна ей для другого. На ней висела старая карта мира. Из тех, на которых Африка изображена в виде бесформенного картофельного клубня, — простой силуэт, заштрихованный белым. Ничего не известно, кроме расположения великих пирамид. С другими континентами дело обстояло чуть лучше. На поверхности почти каждой страны Эфемерида изобразила пунктирными линиями маршруты будущих странствий. Она тогда ещё мечтала о путешествиях. Позже поняла, что из замка просто так не вырвешься. Осознала, что пилигримом ей не стать. Если уж ты однажды напялил на себя камзол придворной персоны, вряд ли когда-то сможешь избавиться от этой должности.

Позже мы с мадам поссорились из-за мелочи. Не могу вспомнить точно. Кажется, ей не понравился составленный мной гороскоп на осенние месяцы. Или нет… Не так. Однажды ей показалось, что у неё украли булавку с искусственным кристаллом. Эта булавка украшала воротник её зимнего платья. Она ведь была очень внимательна к своей одежде. Помню, долго плакала тогда. В день, когда обнаружила пропажу, лицо опухло от слёз. У меня она так и стоит перед глазами — красные щеки, смазанные бабочки-веки, театральные дорожки черной туши до самого подбородка. Церемониймейстер Сквош сказал, что попробует расследовать это дело. Булавку не могли найти целых три месяца.

Помню, в день потерявшейся булавки я подумала: Эфемерида похожа на грустное дерево, сбросившее листву от внезапного порыва ветра. Потом булавка нашлась. Совершенно случайно. В кладовой Перевернутых замшевых ритуалов, которая в дворце служила чем-то вроде библиотеки. В ней хранились не только книги, но и тетради с дневниковыми записями казначеев, королевских виночерпиев и герольдов.

Вероятно, вор просто потерял украденную булавку. Такое случается. Всем что-то мешает. И воришки в этом смысле не отличаются от простых смертных. Булавка нашлась, но осадок в душе Эфемериды остался — она решила, что к её исчезновению была причастна именно я. И наши отношения сильно понизили температуру.

Сейчас она неспешно ест остывший пудинг, ковыряясь в нём с брезгливым видом, словно это не еда, а разрушенная тапирами муравьиная куча. Ее рыжие волосы лежат на голове волосинка к волосинке, как приклеенные. И даже локоны выглядят неживыми. Прическа лоснится

от лака. Сколько часов она провела сегодня перед зеркалом, чтобы привести в порядок волосы? У Эфемериды не тот статус, чтобы иметь личного парикмахера. Несмотря на такую ухоженность, она по неведомой причине не отличается брезгливостью и совершенно спокойно наблюдает за тем, как очередной таракан, появившийся из рукава леди Охмильфольцен, заползает на край её белоснежной тарелки с кусочком недоеденного пудинга.

Таракан в нерешительности замирает. Только усы его беспокойно шевелятся — натянутые скрипичные струны. Словно вот-вот прольётся в прохладный воздух упоительный, как мед, звук. Вряд ли можно заподозрить это насекомое в одухотворенности, но сейчас он выглядит именно таковым. Кажется, ещё немного, и таракан (а возможно, это разновидность южноамериканского жука, завезенного вместе с запасами муки с Амазонки) — кажется, он сейчас заговорит.

А пока в столовой висит тишина. Неуклюжая, словно прессованная серая бумага для упаковывания новых фетровых шляп и старых перчаток. Я размышляю вот о чём: по какой причине мадам Эфемерида собирает змеиную чешую? Ведь могла бы коллекционировать чужие сны, глиняные фигурки в виде слонов из Тартарии или засушенные листья шиповника. Почему именно чешуя? Праздные раздумья. К счастью, у меня есть на них время. Сейчас, будучи придворным звездочетом, время есть на многое. Вот почему я так ценю свою должность. Даже несмотря на то, что у нее, как у Луны, имеется тёмная сторона. Время для абстрактных вопросов. Скажем, если сыграть тараканам леди Охмильфольцен на дудочке, могут ли они поддаться дрессировке? Почему сегодняшний пудинг горчит, а изюма в нем мало?

Почему сегодня под утро мне приснился Пятый Алхимик, который даже не удосужился прийти на ужин? Почему его называют именно Пятым?

Ответ на последний вопрос мне известен, так что хотя бы тут голову ломать совершенно не над чем. Первоначально при дворе было ровно девять алхимиков, но восемь из девяти погибли весьма странной смертью, вызывающей вопросы.

Змеиная чешуя. Мадам Эфемерида, пока мы ещё дружили, призналась, что собирает её с самыми различными целями.

«Ее можно использовать для предсказаний, — шептала мадам. — В этом случае у меня практически не бывает ошибок при гадании. С одинаковой хирургической точностью при помощи круглой чешуи я предсказываю дождь, торнадо, снег или извержение ледяного вулкана. Приблизительно за день, но чаще за два или три дня. Беда в том, что мне обычно никто не верит. Кроме того, круглую и особенно овальную чешую можно использовать как комментарий». Помнится, тогда её слова удивили меня, и я переспросила: «Комментарий?».

«С помощью чешуек я составляю комментарии к прочитанным книгам…» — пояснила она. «Но как такое возможно?» «Ничего особенно сложного, если понимать, как это делать, — сказала. — Змеиные чешуйки действуют на меня примерно также, как на тебя — карты таро, или как игровые фишки — на тех, кто сидит в игорных притонах.» «Но… я не совсем понимаю. Как ты можешь, например, отличать одну чешуйку от другой?» «Чешуйки. Они ведь очень разные… Особенно если понимать, куда смотреть. На поверхности каждой из них перламутр переливается уникальным образом. Вот почему я использую чешую для комментариев к прочитанным книгам. Можно составлять сложные перекрестные отсылки от смысла к смыслу, от персонажа к персонажу. Так для меня появляются новые пласты смысла, неисследованные глубины. Шляпник из последнего романа Гфольелля может указывать на опасное логово стрекодельфов, скрытое в сердце лесной чащи. Где-то внутри средневековой рукописи двенадцатого века». «Всегда думала, что стрекодельфы — добрые создания», — сказала я. «Ты под властью стереотипов. И предрассудков. Да, знаю, есть мнение, будто стрекодельфы — очаровательные интроверты, которые потихоньку строят лабиринты и заодно сражаются с окружающим их злом. Разводят в этих лабиринтах пчёл и муравейники. Но это мнение — лишь одна сторона медали. Стрекодельфы могут демонстрировать и агрессию, и мрачность. У них тоже

случаются депрессии, знаешь ли. Кстати… Может показаться, что мы далеко ушли от темы чешуек, говоря о стрекодельфах. Но это не так. Именно при помощи сухой и влажной змеиной чешуи стрекодельфы предсказывали будущее. Они изменяли погоду. Особенно виртуозно им удавалось создавать горные туманы и холодные дожди, так что у летнего утра даже не оставалось шанса. С помощью чешуи они передвигали камни и лестницы в лабиринтах с места на место. Они оставили по чешуйному вопросу подробные инструкции. Кое-что я даже использовала, особенно в первое время, но потом… Я стала читать чешуйки сама, разработав собственные способы. Они, должна сказать, всегда работают лучше, чем идеальный чужой урок. И я пока не пробовала использовать змеиную шкурку для изменения погоды и другой сложной магии. Мне вполне хватает составления авторских комментариев к любимым книгам. Пусть даже никто и никогда не сможет это прочитать. Пусть я никогда и никому не смогу показать их, ну и что? Это как бродить одной в горах. Всегда существует риск подхватить насморк, кварцитольдин. А то и сломать ногу, скатившись с крутого склона. Или вовсе свернуть шею. Но я не прекращаю заниматься комментариями. Блеск чешуи, искры, которые она разбрасывает по стенам моей каморки, или, напротив, скукоженное робкое мерцание, которое случается с чешуйками в лунные ночи — всё это способно послужить мостиком от любимого писателя к моему комментарию».

Она говорила всё это, и я думала тогда: какая же мадам Эфемерида фантазёрка. Кажется, тогда я даже вознамерилась изучить сложную науку чтения чешуек, но потом, как обычно, что-то помешало мне. Как это часто и бывает с науками. Чешуя подразумевала, что нужно будет узнать нечто важное и о чешуе змей, а быть может, даже сделать зарисовки акварелью, дабы прочувствовать всю уникальность змей и их отличие от рыб. Ведь уникальность познается в сравнении. Это было похоже на изучение тибетского языка или познание способа прыгать, как рысь, с ветки на ветку, научиться чему может далеко не каждый. А у меня были звёздные карты, галактики, планеты, мои гороскопы, карты таро. Посему изучение чешуек так и осталось лишь в далёких планах.

Разглядывая Эфемериду, я столь глубоко погрузилась в воспоминания, что не сразу вспомнила, где я нахожусь. Меж тем за столом все почти закончили есть. И воцарилась одна из тех пауз, что я называю «солнечным зайчиком с проломленным хребтом» — всем неловко, но и встать из-за стола первым никто не может.

Тишину нарушила королева. Она поступала так довольно часто. Особенно если ей казалось, что тишина приобретала излишнюю плотность. Вот и сейчас, когда вилки перестали скрипеть по тарелкам, а хруст искусственных челюстей и керамических зубов сошел на нет, она сказала:

— Как я понимаю, есть больше никто не хочет. Быть может, в таком случае устроим любование деревом Бронделькстанца? Возьмём на прогулку единорога Орнифль и таксу Миццу?

Кто бы смог ей возразить?

— Ваше величество, уверены ли Вы, что сегодня благоприятный для этого день? А что думаете относительно лунных суток? Ведь нынче — гидра, время не сказать, что простое.

Это не прозвучало как возражение. Скорее уж, как предложение обдумать своё желание как следует. Голос подал Изъеденный Молью Вампир.

Выглядел он неважно.

Впрочем, он часто так выглядел. Но сегодня его ночная охота на крыс, видать, совсем не задалась. Вероятно, и день его тоже оказался не ахти. Подтёки ржавчины запачкали его воротник. На бархатном плаще виднелись пятна сажи и молока. Где его носило, подумала я? На крыше среди дымоходов? В подвале среди водопроводных труб, в коровнике? Не поверить, что с голодухи он пил кровь животных. Впрочем… Как знать, до чего можно дойти, если тебя лишают жизненно важного.

— Встреча во сне с горбуном — благоприятный знак? — ответила вопросом на вопрос королева, вытирая губы голубой салфеткой.

Горбун Сквош улыбнулся и спросил:

— Могу ли я осведомиться: не меня ли Ваше Величество видело во сне?

Королевский дегустатор хмыкнул:

— Нужно спросить у Канатоходца. Когда-то он отлично разбирался в значениях и символах любого сна.

Перед глазами у меня возникло лицо Зеркального канатоходца. Сегодня он в карантине — лежит в восточной башне и смотрит сны. Это распоряжение дегустатора. После того, как Канатоходец отравился грибами, которые, впрочем, ели и все остальные придворные, дегустатор рекомендовал ему обратить особое внимание на сны. Якобы, именно теперь они могут дать важные подсказки относительно будущего. И тех придворных, кому могут отрубить голову в первую очередь. Каждый закрывал на это глаза. К этому никто не мог подготовиться. И тем не менее, это происходило. Я лишь много позже могла осознать. Мы привыкли жить так. Мы словно существовали внутри паноптикума, мы воспринимали каждую смерть и казнь как должное. Как рутину.

До тех пор, пока она не касалась тебя лично.

Разгадывать сны при дворе умели многие. Но Канатоходец был один из тех, чьи расшифровки воздействовали не только на самих сновидцев, но и на толкователей. И даже на случайных слушателей. Ну так вот… его лицо… Не только его фигура с невероятно длинными ногами и ручками-палочками выглядела необычно. Вместо носа в центре лица сидело гладкое пятно, которое лишь немного отличалось по цвету от остальной кожи. Точь-в-точь как пятка. Воздух проникал через два небольших отверстия, похожих на рыбьи жабры.

Сейчас я вообразила себе это лицо и подумала: «Ну что он может сказать по поводу сновидений королевы? Вероятно, сравнить повадки персонажей из её сновидения с повадками рыб?»

— Встреча с горбуном во сне — это к удаче, — ответила мадам Эфемерида, — так что, я полагаю, все мы можем выйти на прогулку. Невзирая на холодный ветер.

Прочие придворные за столом застенчиво покашляли, выражая, видимо, свое согласие.

Мы всё же вышли из замка. Прогуляться в парк. Не самая лучшая идея, учитывая погоду. Но если уж королеве приспичило полюбоваться деревом Брондельстанца… Что тут говорить. Собака и карликовый единорог вели себя довольно бодро, на них были надеты меховые попонки. Придворные тоже утеплились, как могли. Правда, не у всех была возможность нарядиться в меха. Да и холодный ветер норовил просочиться неласковыми струйками даже в относительно недоступные места: под вуали и сквозь щели в шарфах.

Леди Охмильфольцен и Солёная Соль были упакованы в «тепло» лучше других. А королева, как это с ней часто случалось на свежем воздухе, выглядела слегка ошалевшей, хоть и была одета в теплый плащ с капюшоном и меховой оторочкой.

Ее старались придерживать за руки Солёная Соль и церемониймейстер Сквош. Но это было всё равно что держать за крылья бабочку — или крылья порвутся, или насекомое улетит.

Королева, как ребенок, убегала от них и снова возвращалась, высовывая язык и размахивая руками, словно ветряная мельница.

От одного дерева Брондельстанца к другому.

Деревья сегодня выглядели и вправду неважно: их листья, обычно утонченные, мерцающие ласковым карминным оттенком, от холода свернулись в подобие иголок, пряча от ветра уязвимый бархатный слой.

Казалось, королеву мало волновал неказистый вид Брондельстанца. А ведь деревом, по сути, следовало любоваться. Придворные вышли под холодный ветер именно ради церемони-

ального любования. Вероятно, у королевы были неисчерпаемые внутренние источники энергии — может, она открыла секрет? И теперь постоянно пребывала в духовной гармонии, окутанная сиянием Ариэля, напрочь забывая о собственной телесности и границах эго. Что ж, на то она и королева. Если даже она и узнала секрет, своим подданным она его не сообщила.

Воздух в тот день был особенно прозрачный. Он делал все звуки похожими на скрытую от глаз поверхность зеркала — звонкими и хрупкими.

До меня долетели вопросы королевы. А ведь убежала она довольно далеко, цепляя по пути окрестные репьи и сухие веточки, так что скоро ее причёска стала похожа на птичье гнездо. Читая это, вы, пожалуй, можете подумать, что наша королева всегда выглядела словно деревенская кухарка. Но нет, иногда на неё находил стих, и она проводила часы в кресле перед зеркалом, а парикмахер, усталый, как плывущий против течения лосось, сооружал королевскую прическу — в форме парусного корабля, древесной чащи или маяка. Костюмерша подбирала и разворачивала наряд за нарядом: новенькие, только что доставленные почтовым дирижаблем из столицы модных шляп Поферанлии, и старые, чьи складки и прослойки материи вышила плесень и сьели жучки, и экстравагантно-громоздкие, что всегда норовили выползти из шкафа и казались живыми.

Приступы внезапного королевского внимания к своему внешнему виду радовали лишь придворных живописцев. И Сквоша. Тому по рангу было положено следить за правильностью церемониальных облачений тех или иных придворных персонажей, будь то королева или карлик, внебрачный сын дракона и лисицы.

Я валилась с ног. Заплеталась в самом конце процессии. Но даже туда просачивался голосок королевы:

— Выходит, распознать горбуна во сне — благоприятный знак.

— Есть и другие знаки, которые ведут к удаче, — говорил ей кто-то, чей голос добирался до меня уже более невнятными кусками.

— Есть и другие?

— Разумеется. Искусство чтения сновидений требует огромной сноровки и фантазии, поскольку даже младшему подмастерью сновидений нужно уметь толковать самые невнятные знаки.

Это Сквош говорит не напрасно, подумала я. Всё верно. Ведь именно он обладает неистребимой склонностью к церемониям. Даже на прогулке не может расслабиться. Так и продолжает обычную болтовню в стиле барокко.

Листья Брондельстанца, из тех, что росли в самом низу, цепляясь ножками и клювами за наиболее близкую к почве часть ствола, уже замёрзли на ветру.

Они превратились в иголки. Иголки — действительно, именно они! Нужно, пока никто не видит, потихоньку сорвать несколько иголок — они вполне могут пойти на декорирование глиняной магической куклы, надежно спрятанной у меня в комнате.

Я уже протянула руку за одной из таких игл. Однако самый ближайший Брондельстанц показался внезапно столь живым и беспомощным, что я невольно устыдилась. Ведь мы вышли любоваться, а не срывать листья.

— Есть и другие знаки…

Они продолжали болтать как ни в чем не бывало.

Я подумала: сейчас, спотыкаясь о корявые брондельстанцевы корни, они начнут обсуждать подробности собственных снов. Вместо того, чтобы просто гулять и наслаждаться вечерней свежестью.

— Встреча с горбуном — благоприятный знак. Могу раскрыть и такую примету — увидеть изображение муравьеда на кофейном сервизе: к получению наследства.

— Вот как?

— Именно.

Они болтали и о прочих знаках, которые могут явиться сновидцу. При этом многое зависит от того, как прошёл предыдущий день. Обсуждались всевозможные мелочи. Пришлось послушать и о том, что дорога из зеркальных булыжников, ведущая в гору, приводит к путешествию в дальние северные земли. Эфиопы снятся к встрече с муравьедом. Женщина из синего стекла, в особенности если на ней шляпа с вуалью, говорит о скором падении главной городской башни. Если тебе снится Солёная Соль (оказывается, и такой случай описывается в сновидческих справочниках) — это к полётам во сне. Если привиделся фиолетовый лес — к нападению на Королевство Мерцающих Василисков.

Случается всякое.

Нужно стараться расшифровать всё, не упуская из внимания самые незначительные детали, говорили они. Сквош и королева рассуждали о том, что может значить виселица. Турецкий тюрбан. Разбитое зеркало. А также — упавший с каната канатоходец, завернутый в тень от горностая. Что делать, если приснится зашифрованный текст из перевернутых букв, похожих на рыболовные крючки, якорь, коробка с засохшим гримом, которой обычно пользуется королевский Пятый Алхимик перед началом своих химических штудий, золотая ангельская труба, кристалл с поверхности Сатурна, таракан из рукава леди Охмильфольцен, кроличья нора, бутылка с посланием от потерпевших кораблекрушение, зуб вампира, музыкальные ноты, испачканные вишневым соком, химическая формула, нарисованная чернилами на манжете атласного жабо, или Один, повисший на ветвях мирового древа?

У Сквоша по поводу любого сна, даже переполненного лабиринтами, крыльями стрекодельфов и обрывками киноплёнки, находилось вразумительное объяснение.

Королева часто отвлекалась, любуясь листьями, однако и слушала тоже, хоть и в полуха.

Особенно её интересовало, что значат приснившиеся во сне мосты через венецианские каналы, однорукие пираты и лестница, начинающаяся и завершающая свой путь в глухой стене.

Сквош отвечал почти без запинки, вот только порой отвлекался на свои церемонии — всё же он был церемониймейстер, а не толкователь снов. Не отвлечься, наверное, он не мог при всем желании: шуты, кроты, зебры и медные ключи от дверей, которые ещё поди найди. Шарфы сбежавших с королевской казной опереточных певиц, позвоночники впавших в летаргию василисков и внутренности сгоревшего органа — всё это напрямую влекло его к церемониям. Потому что толкование сновидений и королевские церемонии — близнецы-братья. Спорить о том, что важнее, нелепо. Ещё глупее дискутировать, какое искусство появилось на свет первым — сновидческое или церемониальное.

Внезапно впереди, в толпе придворных, разрезал воздух всхлип-вскрик, похожий на птичий. Это леди Охмильфольцен едва не упала вниз с тропинки, подвернула ногу. Подхватили под руки, не дали пропасть — то ли барон Офланц, то ли дегустатор. Удержали.

Пользуясь суматохой, когда на меня никто не обращал внимания, я всё же сорвала с дерева Брондельстанца несколько иголок.

Использую для куклы, когда вернёмся в дворец и разойдёмся по своим комнатам. Какой всё же сегодня утомительный выдался вечер.

Иголки плотно зажаты в руке, а с дерева на меня как будто смотрит лицо.

Глаза спрятались в складках коры, словно настоящие глазные яблоки в обрамлении век. Бисер крохотных пятнышек возле этих глаз похож не то на перечень персонажей средневековой мистерии, не то на болезнь кожи. Кажется, она называется старческой гречкой.

Мне хотелось бы извиниться перед деревом, может, склониться перед ним в реверансе. Приласкать кору — так гладят щеку любимого ребёнка. Но я не могла делать это на виду — выглядело бы странно. Несмотря на мою колдовскую репутацию — колдунья, составительница звездных карт и гороскопов. Нелепо чувствовать себя клоуном, высекающим холодные искры из камней и разговаривающим с ночными вазами.

Словом, я так и не смогла попросить прощения у дерева. Но перед глазами так и стояло его человечье лицо и минорный взгляд.

Мы вернулись в дворец. Сквош подытожил события дня, заявив, что вечер прошел удачно, особенно всё, что касалось застолья и прогулки. А было ли что-то еще?

Королева едва не заснула, поднимаясь на лестнице. Так наглоталась свежего воздуха. Возможно, воздух попал к ней в легкие даже вместе с семенами невидимых растений, которые при благоприятных обстоятельствах вполне могут прорасти. У нас в горах водится немало полупрозрачных ариэлей. Так что во время прогулок не стоит широко разевать рот — не успеешь оглянуться, какая-нибудь меланхоличная призрачная сущность залетит и приживётся в лёгких. Слышали легенду о прачке? В выходные эта румяная как поросенок девушка развлекала любителей табака и абсента игрой на саксофоне, и все окружающие души в ней не чаяли. Но вот однажды она прогулялась по мостику над болотом, и видимо, поймала ртом семечко водяного духа. Затем она мучительно болела, ведь в легких у нее выросла кувшинка. Она просто не могла дышать и таяла, как свеча. Неужели не слышали? Что ж… История то была известная.

Придворные, как надышавшиеся отравы тараканы, лениво расползлись по своим комнатам. Особенно тяжело пришлось леди Охмильфольцен. Ведь она подвернула ногу, а в преклонном возрасте подобное переносится плохо. По всему замку разносилось её кряхтение.

Я уселась в кресле перед камином. Наконец-то одиночество, столь желанное и обожаемое мною. Я одна. Хотелось стонать от удовольствия. Из винного погреба, расположенного под моей комнатой, долетали ароматы корицы и мускатного ореха. Видно, кто-то из придворных на сон грядущий приложился к бочке, осторожно открутив медный краник.

На моем рабочем столе шевелились осенние жуки, переползая через страницы дневниковых и астрологических заметок.

Бабочки, залетевшие в открытое окно, садились на звездные карты. Я вытащила из кармана листья Бронделльстанца. Отделённые от дерева, они омертвели и стали похожими на острые иглы со спины дикобраза.

Вспоминая прошлое, я стала потихоньку приспосабливать иглы, втыкая их в глиняную тушку куклы. Это был амулет, сделанный для защиты от завистников, коих во дворце было немало. Осталось раздобыть камень лазурит, растереть его в порошок и выкрасить Офоцелло. Именно такое имя я придумала для своего иглокожего льва — говорят, подобные существа водятся в пустынях Тартарии, расположенных южнее самой последней Африки.

Возможности проверить это у меня пока не было. Но в дальнейшем, надеюсь, я всё же смогу путешествовать. Может, в глубокой старости. А пока, как ни крути, завистники среди придворных у меня точно есть, хоть мы прилежно и улыбаемся друг другу. Но это лишь фасад. На деле почти каждый из них, с виду такой благожелательный, строит козни против остальных, надеясь заслужить сплетнями расположение королевы и дегустатора. Как знать? Допускаю, у каждого придворного в комнате под подушкой или кроватью спрятана кукла для защиты.

Поставив магическую куклу на каминную полку, я немного полюбовалась ей и поняла, что она почти готова. Разумеется, в ней не было особого мастерства, но присутствовало некое неловкое изящество отличного инструмента, пусть и не отшлифованного, способного оставить в вашей руке занозу, но зато умеющего делать всё, что он и должен уметь. Я была уверена, что она сработает и позволит мне протянуть время в этом крысином гнезде.

Мой Офоцелло выглядел устрашающе и одновременно изысканно. Если бы не угрожающая аура, которую он успешно распространял вокруг себя, его бы наверняка попытались украсть, невзирая на то, что кукла была еще не закончена. Офоцелло был похож на льва с человеческой головой. Длинное лицо с тонким носом казалось лицом утонченного правителя давно забытого подземного королевства.

Я очень старалась, и мне удалось слепить тоненькие руки с худыми пальцами — такими впору играть на музыкальных инструментах, из самых сложных в освоении: например, на каучуковой скрипке или фарфоровой свирели.

Вдоль позвоночника у льва были расположены глаза, ровно одиннадцать, которые я исполнила из обкатанного во рту кусочков кварца и лунного камня. Камешки стали гладкими, как птичьи яйца, пусть даже у меня ушло на это немало времени, зато они постепенно обрели необходимую идеальность. Когда я лепила свою магическую куклу, мне осталось лишь вдавить каменные глаза в подготовленные ямки, и они сели в мягкую глину как влитые. Теперь они выглядели живыми. Даже те, что были на спине, не говоря уж о тех, что остались, как им и положено, на лице. Слегка раскосые. Проницательные. Эта кукла явно знала обо мне и каждом из обитателей замка больше, чем могла сказать. А дальше всё решило время — глина медленно высохла и приобрела нужную твердость, так что теперь даже мертвые листья Бронделльстанца с трудом входили в кукольную плоть. Я знала — с этими шипами мой лев Офоцелло точно не растеряется. В случае угрозы как мне и моему имуществу, он сможет пустить в ход клыки, шипы и хвост с ядовитым змеиным жалом на кончике. Он сумеет остановить время и заключить того, кто проникнет в мою комнату, внутрь зеркального пузыря. Так что вору или любому другому злоумышленнику, каким бы искусным колдуном он не был, лучше ко мне не соваться. Иглы-листья придавали кукле необходимую щетинистость. Время, казалось, приобретало склонность к более медленному течению.

В огне камина метались из угла в угол крохотные саламандры. Вся их кожура, поверхность кожи и осенние когти явно пребывали в беспорядке. Почему? В дворце нынче холодно, а стылость не идёт им на пользу.

Одна из них, чьи волосы на голове и замшевая кожа на спинке выглядели так, словно она недавно угодила внутрь торнадо, перестала бегать в пламени, замерла. Черные волосы торчали клочьями в разные стороны, плюясь мерцающими искрами.

Я знала — стоит подойти ближе, и такой огонек вполне способна прожечь на моем платье дыру. Но также видела и то, что саламандре хочется поговорить.

Она присела на самом краешке огня, почти покинула языки пламени, свою родную стихию. Явно хотела сказать мне нечто важное, — маленькая, хрупкая и беззащитная. Я даже умилилась и чуть не взяла её в руки. Понимая, что могу загореться. Я любила иногда с ними поболтать, — только прикасаться к ним нельзя. Это знание досталось мне не просто так. Однажды я пала таки жертвой их очарования. Случилось так, что саламандра прыгнула сначала на стол, а уже с него — на моё колено. Стол задымился. Щетинистое, дряблое на вид и терпкое на вкус (я после из баловства лизнула его языком) пятно на нем осталось навсегда, а ожог на колене я лечила пару месяцев.

Что я тогда получила кроме скучной боли и ужаса? Саламандровые сны. Они были особенными, горячими и искристыми. И напоминали сновидения, которые получается украдкой подсмотреть, словно воруя у самой себя, в лабиринтах стрекодельфов, или сны, принесенные из леса. Каждому ведь случалось хоть однажды заплутать в лесу. Если вы проведёте ночь в глухой чаще, под звёздным небом, возможно, под старым деревом, увитым плющом, вероятнее всего, вам привидятся во сне пляски духов, шуршащие павшей листвой фейри. Вы услышите песни, которые поют, раздирая сухие глотки, старые коряги.

— У тебя что-то случилось? — спросила саламандра. — На вид сама не своя. Обычно по вечерам сразу ложишься спать. А сейчас нет. Сидишь тут, такая грустная, и вроде как собираешься размышлять о прошлом. Поверь, сегодня это совсем не нужно. Как же прошел твой день? Расскажи.

Я превосходно понимала огненное наречье: много треска, и шелестящих согласных больше, чем в человечьем языке. Конечно, понимание того, что именно саламандры говорят, пришло ко мне далеко не сразу. Сначала я думала, что у меня просто поехала крыша, раз уж

мерещится говорящий огонь. А потом в один прекрасный день увидела, как с саламандрами разговаривает барон Офланц.

У меня даже рот распахнулся от удивления.

Но он, заметив мое изумление, лишь лукаво подмигнул — так, словно на моих глазах происходило нечто чуточку необычное. А не событие из ряда вон. Ну, ты же говоришь со звёздами, сказал он потом. Дескать, не отпирайся, я видел, как ты бормотала чепуху, прижав глаз к окуляру телескопа.

Именно Офланц провел со мной несколько уроков, рьяно разъясняя сложности с шипящими. И подсказывая, как лучше себя настроить, чтобы их понимать — были определенные тонкости. Но я довольно быстро научилась общаться с огненными духами сама, пользуясь своей интуицией.

Разумеется, это совсем не то, что разговор со звёздами, которым меня пытался поддеть Офланц. Звезда ведь не может тебе ответить. То ли дело саламандры. Мне нравилось беседовать с ними, закрывшись у себя в комнате. Без риска, что меня могут застукать.

— Эй!!! — она окликнула меня снова, повысив шелестящий голос. — Вот о чем я и говорю… Ты полностью ушла в себя, сидишь тут, как неживая. Уж лучше ложись спать, раз не отвечаешь на вопросы. Что случилось то?

— Ничего, — ответила я. — Обычный день. Но вечернее застолье придворных оказалось слишком уж утомительным. А как прошел твой день?

— Наши дни всегда проходят одинаково, — уклончиво ответила саламандра. — Иногда, конечно, и у нас случаются сложности. Ты ведь видишь, что сегодня я выгляжу слегка поцарапанной?

— Не наблюдаю царапин, — ответила я. — Но вид у тебя и правда странный. Взъерошенный.

— Это потому, что к нам в камин… через дымоход… залетел шмель… отвратительные создания… что ни говори… а мы не можем за всем уследить… понимаешь ли… духи огня и духи воздуха… они ведь никогда не найдут общего языка. В итоге — драка, и…

Она ненадолго умолкла, почесываясь маленькой пламенеющей ручкой.

Потом спросила:

— Леди Охмильфольцен была сегодня особенно невыносима, да?

Сказала:

— Вечно ее тараканы расползаются по столу прямо из рукавов.

Спросила:

— Отвратительно, правда?

— Вам тоже это не нравится? — удивилось я. — Как вы можете это видеть? Ведь камин в том зале располагается очень далеко от стола? А вы всё равно подсматриваете за нами?

Я знала, что саламандры обладают способностью играть со временем и перемещаться в любую комнату в дворце, при этом не покидая камин.

Они странствовали внутри огня.

Для них это было несложно. И еще я знала — если покинуть дворец и пойти, например, в горы или в лес, как следует заблудиться и разжечь костер, их можно обнаружить и там.

— Не думаю, что это можно назвать «подсматриванием». Мы не следим за вами, людьми, нарочно. Наше дело — поддерживать горение. Свое собственное. Ваше. Огонь внутри деревьев. Ты не поверишь, но у деревьев тоже есть свой внутренний огонь. Также мы усиливаем огонь Солнца, но при этом важно понимать — Лунным светом занимаются другие существа. Наша задача — следить за Вашим движением вовне. За расширением, — если ты понимаешь, о чём я. Поэтому, если дело касается звёзд и планет (а ты должна в этом хорошо разбираться, ведь ты — придворный звездочёт), то за их внутреннее пламя отвечаем именно мы, саламандры. А вот за любой отраженный свет в ответе уже стрекодельфы. С них и спрос.

— Понятно, — ответила я.

Мне нравилось, когда саламандра отвлекалась от темы.

— Хочешь взять меня на руки? — спросило лукавое создание, смекнувшее, что мое настроение изменилось к лучшему.

Я лишь подмигнула в ответ, помня про свои ожоги. Дескать, вряд ли.

— Ну тогда… хотя бы расскажи, что именно тебя встревожило сегодня? — не унималась она. — Просто не могу поверить, что твое настроение так упало из-за придворных и тараканов леди Охмильфольцен. Несмотря на всю степень их противности, влияния насекомых было явно недостаточным для того, чтобы дотянуться до планки сегодняшней тревожности.

— Да просто… интуиция подсказывает, что мое будущее при дворе будет весьма неустойчивым, — призналась я. — И тут ты никак не можешь помочь. Хоть ты и саламандра. А саламандры, как известно, способны на многое.

— Что может случиться? — удивилась она. — При дворе такая скука… Иногда и вовсе кажется, что у вас ничего не происходит. Один день похож на другой. Как две капли воды. Разве нет? Не спорю, королеве иногда попадает вожжа под хвост.

— И где только ты набралась таких выражений?

— Слышала от конюха…

— Ты видишь внешнюю сторону событий, — сказала я. — Ритуалы и церемонии, и, конечно, тебе они кажутся скучными и лишенными смысла. На самом деле под верхним слоем прячутся подводные течения.

— Сейчас обидела. «Внешнюю сторону». Это саламандры то видят внешнюю сторону событий? Мы всегда глядим только внутрь. И не иначе. Огонь так устроен, что прожигает события до самых костей, — и она стрельнула в меня искрами, слетевшими с ее змеиного хвоста. — Знаешь, ты могла бы разложить карты относительно будущего. Разве ты не мастер предсказаний? Или я что-то путаю? Ты ведь с легкостью можешь составить звездный гороскоп, погадать на чайной гуще или куриных костях.

— Хм… Ты бы еще сказала — обратись за помощью к мадам Эфемериде. Попроси, чтобы она погадала тебе на рыбьей чешуе.

— Нет уж, — фыркнула саламандра. — Только не это. Духи огня очень не любят Чешуйницу. Поэтому я просто не могла тебе предложить сделать такую глупость. У нее в венах живет холодная кровь. Не кровь — водица… Похожая на рыбью — вязкую и прозрачную, полную грустных снов. Находясь рядом с нами, Эфемерида делает огонь холодным. А для нас, обитателей пламени, это болезненно. Мой совет — прекрати дружбу с ней. Но знаю — ты не послушаешься моих советов.

— Гмм… — вздохнула я. — Если хочешь знать, мы сейчас уже не дружим. Но прекратили приятельствовать мы по её инициативе. Она на меня обиделась. Однако я в какой-то из дней перестала стараться выяснить причину. Что ж… Если не хочет со мной дружить, значит, так тому и быть. Неприятные ощущения — примерно так похрустывает челюстью носорог. Но я люблю быть одна. К тому же, если станет грустно, я всегда могу поговорить с бароном Офланцем. Или, на худой конец, Сквошем. Им я доверяю больше, чем остальным. Хотя… Если быть уж совсем честной… в королевском дворце доверять никому не следует. Просто из осторожности. Но я могу поговорить и с любой из вас в том случае, если мне до смерти захочется почесать языком.

— И всё равно… — она снова взъерошила огненные волосы и раздраженно щелкнула языком. — Не понимаю, почему ты в такой тревоге.

И неожиданно добавила:

— Тебе способны помочь лестницы.

Это прозвучало так, что я поневоле рассмеялась.

— Лестницы?

Саламандра плюнула огнем.

— У вас в дворце наверняка есть лестницы. Много лестниц. Можно найти среди них именно правильные, — такие, где тебе никто не помешает. И ты будешь одна. Даже толстый слой пыли и следы землероек не станут помехой. Возможно, лучшая лестница для твоего умиротворения — это лестница на чердак. Уверенности у меня нет, потому что у нас, саламандр, пока нет туда доступа. Разумеется, если ты всё же заберешься на чердак со всеми его сундуками, набитыми древним барахлом, неотправленными письмами, самодельными восковыми свечами, сваренными из костей допотопных мертвецов, камзолами и печатями, — если ты туда заберешься и сожжёшь там что-нибудь (например, письмо или географическую карту), то мы сможем взглянуть на то, что есть на чердаке.

— Так вот зачем ты отправляешь меня на чердак, — усмехнулась я. — Можно было сказать сразу, что тебе хочется его обследовать.

— Пусть так, — согласилась она. — Но лестницы для тебя и вправду будут полезны.

— Может быть, завтра и схожу, — сказала я. — Это должно быть весело. А сейчас ноги болят…

— Жаль, что у нас нет таких ног, как у вас, людей. Любопытно было бы ощутить, что вы чувствуете.

— Боль в ногах? Не смеши. В этом уж точно нет ничего приятного, — сказала я.

— Ну что… вернемся к разговору о лестницах. Если тебе больно ходить, ты вполне могла бы вообразить лестницы.

— Вообразить?

— Представить, — объяснила она. — При такой степени тревожности помогут и воображаемые лестницы. Особенные лестницы. Те, что без начала и конца. Они никуда не ведут. Упираются в стены или ствол дерева. Но это и не важно. Ведь в своём воображении ты можешь передвигаться и по отвесным стенам. Точно также, как ваш любимый Изъеденный Молью Вампир. Ты ведь видела, как он ползает по стенам и потолку? Не говори, что не видела… Завораживающее зрелище.

— Не видела, — сказала я. — До сих пор его слегка побаиваюсь.

— Он забавный, — ответила саламандра. — И я бы не стала бояться именно его. У вас здесь есть персонажи, которые заслуживают больших опасений. А Изъеденный Молью Вампир — он уже старик. Он вряд ли может причинить тебе вред, хотя скажу сразу: вижу, что твоя кровь для него довольно аппетитна.

— Вот как… — очень захотелось чихнуть. — Чем же так привлекательна именно моя кровь? Знаешь, мне с трудом верится в сказанное тобой. Насколько мне известно, вампир никогда не трогал никого из придворных. Попробовал бы он это сделать! Об этом тут же стало бы известно церемониймейстеру Сквошу. И королеве.

— Святая простота… — вздохнула саламандра. — Не думаю, что ваш вампир так уж безупречен. Тем более, что вы никак не сможете проверить, даже если он и укусит кого-то из вас.

— Неужели не случается необратимой перемены после укуса вампира? Не останется следов? — спросила я. — Разве не будут заметны ранки?

— Ты смешная, — и саламандра широко зевнула. — Но, пожалуй, на сегодня мне наскучило болтать с тобой. Подумай о лестницах, как я тебе и советовала. Представь, как ты поднимаешься вверх, а лестница при этом не ведет ни в дверь, ни в окно. Возможно, так тебе откроется нечто успокаивающее.

2

Она исчезла.

С саламандрами всегда так — то они готовы болтать с тобой до самозабвения, то начинают зевать от скуки. Потому что им, видите ли, стало грустно.

Я тоже слегка впала в меланхолию — она всегда находит на людей, когда болтающие с ними саламандры возвращаются обратно в огонь.

Я постаралась вообразить себе лестницы без начала и конца, о которых говорила огница. Но у меня ничего не вышло. Стоило лишь придумать пусть даже не слишком правдоподобную лестницу, как та сразу проявила свой беспокойный безумный характер — начала рьяно стремиться вверх.

Она рвалась прямо в небо, вела себя на бойкое, забывшееся в сумасшедшем порыве роста дерево, и очень может быть, что она тянулась к известным ей и желанным дверям. Но даже я, закованная в рамки собственного воображения, не могла представить, где она может закончиться. К какому замку фей она способна привести.

С другими лестницами происходило тоже самое.

Они дразнились, прыгали, ускользали от меня, заканчиваясь тупиками, уборными и ванными комнатами, обрывами в горные пропасти и выходом в клетки с животными вроде жирафа или гиены.

Словом, лестницы не очень помогли мне снизить тревогу. Я по-прежнему не могла заснуть, несмотря на свою усталость.

***

Я помнила еще об одном важном деле — нужно было составить предсказание для дегустатора. Ведь ответы ему придется сообщить уже завтра. Шутить с этим не следовало.

Если королевскому дегустатору не понравится ответ карт таро, он может подсыпать мне в тарелку с овсянкой овечий яд.

У дегустатора нашлось для карт сразу два вопроса. Я вспомнила… Он подошел ко мне взволнованный, с красными пятнами на щеках, похожих на два клочка грубой холстины, выкрашенной в свеклу. Сначала взялся мямлить что-то о снах.

Объяснил, что ему приснилась ящерица, которая кусала своими ножницеподобными губами скелет, убегающий в сторону пустошей. А скелетом, якобы, был он сам. Он говорил, что ему снилось море, полное птичьих и королевских костей. Стада бизонов паслись над морем прямо в небе, ступая копытами по облакам, под которыми кричали взъерошенные от соленого ветра альбатросы.

Сны — это великолепно, кровь может значить одно, а стрелы — совсем другое, отвечала я. Вот только я не могу дать точное предсказание о том, как будут развиваться события, на основании одних лишь снов. Если дегустатор хочет, чтобы истолковали его сны, нужно идти к Солёной Соли. Не забыть прихватить ей в подарок пару цветных свечей, гомункула или самостоятельно выращенный пепельный кристалл.

Соль неплохо читает сны.

А я могу разложить для него карты, если он хочет, — только сразу предупреждаю, что для получения ответа-истории придётся подумать. И лучше будет, если я сделаю это у себя в каморке.

Дегустатор выслушал и кивнул. Ну вот, подумала я, выходит дело, я добавила Соленой Соли развлечений. Придется ей теперь бросить пристальное наблюдение за домашней совой. Она вроде бы пыталась заниматься вдвоем с этой птицей сложной разновидностью рунной магией и чревовещания. Но толкование снов для нее — дело весьма обстоятельное, и посему ей нужно будет всё остальное отбросить.

От мыслей о Соли меня вырвал вопрос королевского дегустатора. Итак, вопрос его был о юной прачке, с которой у них намечались шуры-муры. Она жила в деревне, в кривобоком домике, куда, однако, долетал приятный морской воздух. Дегустатор подбивал к даме клинья и хотел знать, выгорит ли дело.

Второй его вопрос был куда основательней. Он спросил о каравелле с грузом специй и синего стекла — вернётся ли она благополучно из Перевёрнутого Китая?

Касательно того, сложится ли у него роман с простолюдинкой, прогноз пришел на удивление обнадёживающий. Из колоды, прямо как внезапная лягушка из укромного местечка, выпрыгнул Шут. Он всегда радует, выпадает ли мне самой и кому-то из придворных. Помню самых разных шутов, коих довелось повидать за время гадательной практики. Сумасшедшие худождеватели и дотошные гравёры по дереву, неопытные девушки, которые лишь встали на путь самовыражения, внутри которого способна помочь чернильница, перо и краски из луковой шелухи, и до смерти влюбленные в свое дело мастера, умеющие рисовать и во сне — все они изображали Шута по-своему. И мне всегда любопытно вглядываться в эти карты.

Признаться, шуты с моих колод таро из сундука, спрятанного в потайном отделении шкафа, выглядят симпатичнее, чем живые шуты, которых мне доводилось встречать.

Хорошо ещё, что королева не держит при дворе шутов, считая это проявлением дурного вкуса. Если бы она так же думала и о палаче…

Впрочем, не всё сразу. Когда-то, возможно, палача у нас не будет. Честно говоря, предполагаю, что именно церемониймейстер Сквош настаивает на том, чтобы должность палача оставалась при дворе как можно дольше — не по жестокости и злобности. А больше из любви к ритуалам.

Вернёмся к живым шутам — я никогда их не любила, в отличие от карточных изображений. Например, я встречала их в детстве, на ярмарках. Помню, однажды шут слонялся между торговых рядов и приставал то к торговцам, то к праздношатающимся горожанам. Выпрашивая себе медяки, чтобы купить глинтвейна. От него пахло вином, с рук свисали потускневшие лохмотья с ржавыми бубенцами, и лишь колпак ещё сохранял некий лоск и нарядность. Всякий знает, что даже опустившийся шут всегда бережёт ритуальный головной убор. Помню, эти шуты всегда вызывали у меня отвращение и желание отстраниться. Они приставали к женщинам, хватали за юбки и говорили сальности.

Другое дело — канатоходцы и дрессировщики тигров, их тоже можно было встретить на ярмарках. Когда я, задрав голову, смотрела на канатоходцев, чьи стройные тела, затянутые в яркий шелк, были густо усыпаны блёстками, словно звёздной пылью, — когда я смотрела, как они бежали по проволоке высоко над площадью, сердце стыло. Дрессировщицы тигров поражали дикими глазами и широкими улыбками, в них можно было не досчитаться зубов.

Но я увлеклась. Снова утащил водоворот воспоминаний. Шпагоглотатели, кукольники из театра марионеток, чтецы баллад, чьи тела были сплошь покрыты татуировками, а бутафорская петля на шее говорила о том, что в прошлом им довелось избежать смертной казни, — вся эта мошкара над тазом с кипящим вареньем ярмарочного веселья, палые листья на остывающем пруду памяти, — всё развлекало меня, как любого ребенка. Но вот шуты с их грязной одеждой и сальностями были неприятны.

Другое дело — Шуты на картах из секретного сундучка. Здесь были Шуты из воды или синего стекла, арлекины, одетые в костюмы из разноцветных ромбов, и слепые клоуны в блеске лохмотьев. Шуты, танцующие внутри спиралей, похожих на вихри сумасшедших пчел, седых драконов и свечей из выгнутого в петли разноцветного свечного воска. Шуты, чья родина — чаща с мертвыми деревьями, в которой белая змея встречается с черной змеей. Шуты, давно забывшие о своем происхождении, избалованные вкусной едой, бархатной одеждой и терпкими духами в бутылках муранского стекла. Были карты, нарисованные в забытом стиле,

покрытые слоями сладкого желтого лака, который успел кое-где растрескаться паутинными кракелюрами.

Словом, какие только шуты не шли мне сейчас на ум. Оседлавшие зебру и едва не летящие с предписанного им каноном крутого обрыва. Или, напротив, стоящие на вершине священного камня и готовые к прыжку вниз. Улыбающиеся и грустные. Их лица порой были густо покрыты белилами, иногда — сетью старческих морщин. Я знала, что при необходимости могу без труда вытащить из памяти целую галерею шутов на любой вкус.

Башня — дело другое. Когда в ответ на вопрос выпадает Башня, глупо надеяться на благоприятный исход.

Что же ответить дегустатору? Что его корабль, скорей всего, попадёт в бурю? Я просто не могла сказать ему это. Что же делать? Придется снова наводить тень на плетень, изворачиваться… Глядя на башню, увитую плющом и горящую голубым пламенем от макушки до пяток, я стала лихорадочно придумывать удобный ответ. В то время как подлинный звучал бы примерно так: «Корабль утонет весь, целиком. Спастись не получится, — ни пленникам из Белого Китая, ни матросам, ни, тем более, — грузу тутовых червей, пряностей и эбенового дерева». Ну а дегустатору скажу: судьба Вашего корабля скрыта туманом. Будут сложности.

Думаю, надо бы предупредить его так: существует большая вероятность нападения мертвецов на корабль. И потому возможность того, что груз доедет в порт в целости и сохранности, ощутимо снижается. Разумеется, это самое настоящее враньё, но лучше уж эта полуправда. Нельзя сказать ему о Башне, в которую попала молния.

Плохо дело. Надеюсь, у меня выйдет хоть как-то переключить внимание с корабля на романтическую историю. Которая, как говорит Шут, лишь начинается. И будет полна проказ и фейерверков. Могло ли быть иначе? Как по мне, ради такой малости не стоило и обращаться за ответом к картам. И без них понятно, что даже избалованная мужским вниманием простолюдинка вряд ли сможет устоять перед ухаживаниями придворного. Да еще и приближённого к королеве.

Но в вопросах любви дегустатора почему-то охватывала необъяснимая робость — причём не в первый раз. Он был весьма влюбчив, наш дегустатор, и обычно выбирал в дамы сердца краснощеких продавщиц капусты, прядильщиц с распухшими от монотонной работы руками или официанток из приморских трактиров.

3

В обмен за предсказание дегустатор обещал подарить мне эльфийскую рукопись. Это он придумал ей название. На деле происхождение потрёпанной книжицы было скрыто пеленой неопределённости. Кажется, она называлась «Теория пустот».

Солёная Соль, которая тоже видела рукопись, едва не впала в ступор от восторга. Надо вам заметить, что Соль была очень впечатлительна, однако редко демонстрировала свои эмоции. Просто живое воплощение аркана Отшельник, как я его понимаю. Ну и ещё, может быть, Соль напоминала собой аркан под названием Алхимия, либо Искусство. Эту карту именуют и так, и эдак. Соль вечно нянчилась и бегала по приятелям, делясь переживаниями и внутренними алхимическими процессами. Притом, что с Пятым Алхимиком она не желала иметь ничего общего. Как я понимаю, она просто по-своему хотела приспособиться к жизни при дворе, которая ей не очень нравилась. Судя по её манере щеголять в вызывающих нарядах, похожих на смирительные рубашки пациента сумасшедшего дома, с обилием застежек, белыми креплениями на спине и ремешками неясного происхождения, она подчеркивала свою инаковость, как будто говорила — не подходите близко.

Но эльфийская рукопись выключила её обычную застенчивость. На лице загорелся румянец. Соль начала жадно листать страницы, разглядывая рисунки и буквицы с помощью лупы. Завиток, похожий на растение с ворсинками на стебле и человеческим лицом вместо чашечки цветка, указывал: здесь, с большой долей вероятности, расположена ботаническая статья. Были там и другие рисунки — напоминающие механизмы, орудия труда или архитектурные сооружения. Один механизм показался мне ощутимо схожим с маленьким чучелом зебры, на спине которой было установлено нечто вроде пагоды с человеческим лицом, вытканном на гобелене, свисающим с подоконника. Столь сложная конструкция на иллюстрации поначалу вызывала оторопь, а после — усиленное желание разглядеть. Из узкого окошка торчало что-то наподобие медной трубы, состоящей из множества сочленений. Вероятно, этот прибор служил для наблюдения за движением звезд.

На другой странице, после множества строк, состоящих из корявых значков, метафор птичьих следов на снегу, было изображено нечто вроде статуи с весами в руках — дамы в огромном средневековом воротнике, на шляпе которой сидела полярная сова.

Может быть, подумала я, это нечто вроде астрологического знака. Нарисованного так, как их понимают эльфы и дендроморфы.

Встречалось на этих страницах множество изображений желудей. Травинок и листьев. Ростков, пробивающих из-под снега, птичьих гнезд и лисьих нор со спящими детёнышами внутри. Был там рисунок, изображающий гепарда, идущего по канату высоко над площадью навстречу крыше, где сидела, свесив ноги вниз, маленькая рыба. Был дымоход, похожий на гриб с водорослями под шляпкой и дырявой ножкой. Был флюгер в виде ржавого парусника.

Солёная Соль восторженно перелистывала страницы. Она еле дышала. Она казалось околдованной.

Однако, добравшись до конца рукописи, она подняла на нас с дегустатором лицо, которое казалось уже более успокоенным. И вдруг, неожиданно как для меня, так и для дегустатора, высказала сомнения в подлинности артефакта.

— С чего вы вообще взяли, что перед нами эльфийский травник? — заявила Соль. — Просто потому, что эти буквы кажутся вам похожими на ворох переломанных веток? Или пляску болотных огней? И вы сделали вывод, что книга написана эльфами. Тогда как на деле это может быть имитация, созданная хитрецом с большим запасом свободного времени?

— Не думаю, что это травник, — возразил дегустатор. — Здесь имеются изображения созвездий, то есть, это может быть и небесной картой. Может быть, потом, когда пройду через все возможности расшифровки и брошу их, я отдам рукопись тебе, ведь ты у нас Звездочёт.

И он подмигнул мне.

— Значит, ты всё же надеешься её расшифровать… — протянула Соленая Соль, вытирая с лица подтёки театрального грима.

Соль любила экспериментировать с ядами и когда-то была подмастерьем нашего алхимика; золота они так и не создали, но зато получили великое множество красок, которые можно было использовать как и для рисования, так и для раскрашивания лица — в театральных целях, либо для своего собственного удовольствия.

— Ты плачешь? — спросила я у Соли.

Она часто плакала или злилась без очевидной на то причины. Была у нее такая особенность.

— Наверное, мне просто жаль, что это оказалось подделкой, — ответила она. — Уважаемый дегустатор, поверь, если не бросишь свою затею, потратишь время напрасно. Это всего лишь имитация древнего шутника. Конечно, мне хотелось бы, чтобы эта кучка сшитой бумаги была творением маленьких дриад, которые живут в дубовых дуплах.

— Ты ведь видела этих эльфов, да? Они правда существуют, не примерещились? — спросила я.

— Видела… — нехотя согласилась Соль. — Раньше, в прежние времена, когда я не была настроена к миру столь скептично. Помню, я помогала алхимику. В нашей лаборатории стояла адова жарища и воняло кристаллами, серой и травами, поэтому алхимик часто отпускал меня прогуляться, чтобы подышать. Сам он, как вы знаете, предпочитал работать в защитной маске. Ещё он носил на голове шляпу из горностаевой шерсти и лосиные рога — говорил, так нужно в ритуальных целях. Все придворные, кто хоть раз наблюдал его в этом образе, умирали со смеху. Но я не о том. Когда я ходила на прогулку подышать, меня влекли дубовые рощи. Вот там я их впервые и увидела. Между прочим, их сообщество является очень развитым, они весьма изысканные создания, несмотря на сухие древесные веточки в волосах и длинные уши, сморщенные, как морщинистые грибы.

Мне очень хотелось сказать, что я тоже умею говорить с элементалями — только в моём случае это духи огня. С другой стороны, как знать, с чем именно встретилась Солёная Соль? Кем были её эльфы? Духами воздуха? Древесными стражами? Или они даже не были элементалями? Может, Соль познакомилась с представителями другой расы? На это могла бы пролить свет рукопись, если бы мы могли её прочесть.

Но дегустатор прояснил и для себя, и для нас лишь некоторые буквы. А мы с Солью единодушно сошлись во мнении, что это только его личное прочтение, которое отнюдь не должно совпадать с нашим.

Например, ему казалось, что буква, похожая на спутанный клок женских кудрей, имеет значение «змеиное гнездо». А Соль решила, что буква скорее уж относится то ли к солнцу, то ли к солнечному свету. Мне же этот знак казался похожим не то на раскрывшуюся лилию, не то на давшую течь лодку, готовую вот-вот скрыться под слоем воды.

Была буква, которой мы дали имя Принц. Другая с виду напоминала дверь в подземелье, и посему именно это и должна была означать. Ещё были — Лук без стрелы, Жаба, Иголки, Змея. Фантазировать, как известно, можно до бесконечности, и все же это были лишь домыслы. Кто-то из нас видел в буквице шутовской колпак. Кто-то — совиный глаз или колесо.

Признаюсь, позже дегустатор всё-таки отдал мне эльфийскую рукопись. Всю целиком — с изображениями неизвестных нам растений, картами непроходимых болот и лабиринтов без привычных входа и выхода, в которые можно было влезть через подземелья снизу либо спуститься с дирижабля сверху. Он так и не смог расшифровать книгу, несмотря на всё своё сво-

бодное время. Чтобы навестить кухню и перепробовать королевские блюда, нужна пара часов, а в остальное время дегустатор был всецело предоставлен научным изысканиям разного рода — от шаманских путешествий между мирами и вызова призраков до попытки перевода на утуланский язык сомнительных трактатов. Словом, с той рукописью он не преуспел. Ему вроде бы и начинало уже казаться, будто он понял отдельные фрагменты. После чего текст вставал на дыбы и оказывал сопротивление. По словам дегустатора, он смог лишь условно разбить рукопись на разделы — благодаря иллюстрациям. Возможно, это было что-то вроде энциклопедии. Часть, посвященная описанию цветов и трав, сопровождаемая искусными рисунками, кусок текста с вкраплениями небесных светил и их траекторий, алхимический раздел с изображениями колб и перегонных трубок. Было там и нечто похожее на химические формулы. Ну и разумеется, магические разделы с силуэтами рук и существ, которые заставили нас с дегустатором думать, что тетрадку написали стрекодельфы. Или дендроморфы.

«Похожи на тех, которых видела я», — подтвердила Солёная Соль.

Похожи. Вот только изображение оказалось сильно стилизованным. Эти перепонки между пальчиками. Эти слегка заострённые уши.

Дегустатор отдал мне рукопись, ведь ему надоели собственные бесплодные попытки расшифровать записи. А вот мне… Мне они помогли осуществить бегство в страну ветров. Это случилось позже.

4

Иногда я чувствую, нужно просто начать.

Так бывает, если моя история начинает вязнуть в многоточиях. В подобном случае, чтобы сдвинуться с мертвой точки, можно начать с любого места. Если уж всё равно не получается выделить главное.

А главным стало то, что я получила должность толкователя карт таро и составителя гороскопов. При том, что первоначально при дворе я была удостоена звания Звездочёта.

Сегодня с неба пропало важное созвездие, сказала я самой себе. Воспоминания. Меня мучили воспоминания о детстве. О маме и отчиме.

О никчёмной, нищей жизни в лесной глуши, в домике, притулившемся боком к холму, на отшибе деревни.

Мы с мамой собирали мухоморы, поганки и пласты мха, высушивали их в сарае, где приживались лишь божьи коровки, осы и призрак маленькой свинки, давно заколотой отчимом.

Итак, те грибы следовало сушить. А потом отчим, алхимик в отставке, готовил из них зелья и отвары, которые мы почти за бесценок продавали на ярмарках опустившимся наркоманам-актерам или больным крестьянам. Зелья и порошки, изготовленные отчимом, не отличались высоким уровнем мастерства, как, впрочем, и уникальностью. Это была жизнь, полная скорбей и лишений. Отчим пил горькие настои, горланил песни и поколачивал мать. Бывало, что и я попадалась ему под горячую руку. Поэтому больше всего мне нравилось убегать из дома в лес. И трафонберцы остаются едва ли не самым светлым моим воспоминанием детства.

Я фантазировала о них и представляла их всегда по-разному, играя со словами и образами в своей голове, — ребенку порой не требуются сообщники в его играх. Трафонберцы… Их чешуйчатые стены налетали на маскарадные оковы, струились и плавились, усы их топорщились, а дары, которые приносили своему общежитию обитающие на их гребнях лилипуты, приводили их то в восторг, то в ярость.

…Я не могла заснуть. Два часа ворочалась с боку на бок в постели, насквозь пропахшей грибами и пчелиным воском. Вроде я никогда не выращивала здесь грибов и не видела пчел, и тем не менее, им пропахло всё вокруг. В прядях волос и складках ночной рубашки запутался ледяной лунный свет, и я невольно задумалась о Луне. В детстве мы с подругами добывали самую настоящую лунную воду, оседлав трафонберца.

Помню их, уже ненафантазированных, а самых что ни на есть живых ручных трафонберцев. Этими огромными снулыми созданиями, с усами и щупальцами на голове, спокойными и мечтательными, совсем безвредными, управлять был способен даже ребенок. Наши матушки, зная, что мы хотим оправиться на болото за лунной водой, были совершенно уверены, что с нами не случится ничего плохого. Даже если какой-нибудь подросток случайно умудрялся свалиться с крутой спины трафонберца в пахнущую вереском и спитым чаем кислую воду, животное сразу изгибало длинную шею, покрытую складками и морщинами, которые делали любого трафонберца похожим на доброго старичка, и вытаскивало незадачливого пацана или девчонку из воды. А потом усаживало обратно себе на спину.

Помню, матери собирали для нас корзинки. Это были плетёнки, легкие, но прочные. В них укладывались пустые пузырьки из лазурного стекла — именно в этом стекле лунная вода хранится лучше всего, долго не утрачивая целебные свойства. Лежали в корзинках и спелые фиги, и клубника, и черника, и лепешки, переложенные куриным мясом.

Я до сих пор помню вкус специй, в которых были обжарены лепешки.

Почему лунную воду добывали именно дети? Потому, что она давалась в руки лишь невинным, неиспорченным созданиям. Девочка, к которой уже пришли особые дни, или подросток, посетивший шатер продажных женщин, лунную воду больше добывать не могли.

Зеленоватая кожа трафонберцев и длинные ноги, похожие на оленьи, — можно ли считать это отличительными особенностями? Были у них и рваные, словно лохмотья или старая паутина, крылья. Паук, который сплел паутину, давно сбежал в неизвестном направлении. Плед, которым укрывались худые плечи в промозглые осенние вечера, рассыпался на нитки. Вот такими у них были крылья — вялые, свисающие вниз. Выполняющие роль декорации, как дом без окон и двери. Зато с трубами, флюгером и дымоходами. Дом, в котором никто никогда не жил, кроме мышей и призраков.

Ни разу я также не видела и то, как трафонберцы летали — да и может ли летать зверь, похожий одновременно на улитку благодаря наличию скорлупы на спине, на оленя из-за копыт и рожек на голове, и на птицу, потому что крылья, хоть и декоративные, у них всё же были.

Обычно трафонберцы тихонько паслись на берегах унылых болот. Ни дуновения ветерка. Ни малейшего волнения на воде.

Бледная зеленая кожа, под цвет болотной ряски, и фиолетовые крылья — вот так, просто от воспоминания о том, как выглядели трафонберцы, потянулась тоненькая ниточка в мое детство.

5

Сегодня в королевский дворец вернулся Зеркальный Канатоходец.

Читателю может показаться, что я что-то путаю и заблудилась в рассказах о жизни придворных. Но нет, помню, что в начале рассказа он лежал и болел. С тех пор много воды утекло. Даже не могу точно сказать точно, сколько времени прошло. Впрочем, и не важно. Важнее то, что вскоре он отправился в своё очередное странствие в пустыню. Он часто уходил в такие странствия, и королева это не запрещала, поскольку пустыня не могла грозить чем-то серьезным. Запрещать уходить туда она не видела смысла. Но никто, кроме Канатоходца, не горел желанием блуждать там, насколько мне известно… Вот и в этот раз он надолго исчез в пустыне. Так надолго, что по нему начала скучать даже Солёная Соль. Правда, потом при дворе о Канатоходце забыли почти все. У придворных были и другие развлечения, поэтому такое быстрое забвение — неудивительно. Но тем не менее, он неожиданно вернулся. И не один. Он привел с собой свою спящую наяву сестру. Страдающую от довольно необычного недуга — смеси лунатизма и внезапных приступов ничем не обоснованной агрессивности, обращённой и на себя, и на окружающих.

Она принадлежала к породе лунатиков, о которой мне пока было известно мало. В своё время мне довелось составить гороскоп одному лунатику, но тот был полукровкой и пилигримом, державшим путь к мысу Стеклянного Маяка. Поэтому он быстро покинул наше королевство. Не представилось возможности проверить на практике, насколько точным получился мой звездный гороскоп. К тому же, полукровки далеки от любых стандартов. Они часто рассказывают об оранжевых автобусах — это средство передвижения мне доводилось видеть только во сне. Но теперь… Может, мне удастся получше узнать лунатиков, раз Канатоходец привел из пустынь свою сестру. И не только её. Кроме неё — израненного василиска на веревочке. Зверь приволакивал больную ногу. Но при этом он явно тащил на себе ещё и ненужную ношу. Нет, не сестру Канатоходца. Та передвигалась сама. Просто он весь, с клюва до лап и кончика хвоста, был увешан ритуальными зеркалами, словно дурочка на выданье.

***

Канатоходец, его сестра и василиск. Троица эта на некоторое, впрочем, недолгое время заинтересовала скучающих придворных.

Лунатики — нечастые гости при дворе. Василиски же — ещё менее частые гости. Впрочем, персонажи служили источником любопытства недолго — королева забавлялась, рассматривая свое отражение в зеркалах, являвшихся хрупкой, но всё же надежной броней василиска. Всякий раз отражение немного, но ощутимо отличалось от оригинала. То королева была косоглазой, то — синеволосой. Лицо её то растягивалось, как лезвие ножа, то становилось похожим на жирный непропеченный блин. И вот ещё что. Одно дело — отражения в зеркалах, которые были всего лишь кусочками брони, призванной защищать. И совсем другое — фрагменты его шкуры, отдельные кусочки которой напоминали фактурой змеиную чешую, другие — узоры на спине леопарда. И глаза — робкие, огромные. Схожие не то с глазами совы, не то мадагаскарского лемура.

Задавались вопросы. Зеркальный Канатоходец отвечал довольно терпеливо, и даже на самые идиотские, вроде таких — очень ли жарко бывает в пустыне? Однако было заметно, что за своей обходительностью он старательно прячет раздражение. И всё же он был мне симпатичен. Его изящные манеры, его прошлое, его лицо, словно вырубленное искусным резчиком из белоснежного мрамора, пусть и такое странное, практически лишенное носа, а главное, слава о его выступлениях, которая бежала впереди его самого. Всё это завораживало, безусловно.

Я относилась к тем немногим счастливчикам, которые видели, как он однажды прогулялся по канату, растянутому между маяком в гавани и шпилем над Башней Диких Тюремщиков.

На одной из площадей, расположенных внизу, по траектории его пути, был предварительно построен лабиринт из снега, на другой площади дрессировщики посадили на облезлую тумбу обезумевшего от скуки старого льва, на третьей — гуляли ветра, на четвертой — бесновалась ежегодная королевская ярмарка. Кажется, стояла густая, ароматная, сбивающая с ног невыносимыми красками, солеными звуками и чужими влюбленностями осень. А я тогда была подростком; кто-то из моих подруг прознал о «смертельном номере» Зеркального Канатоходца. Увешанный тяжелыми зеркалами, способными ловить как северное сияние, так и солнечные зайчики, он должен был пройти огромный участок пути над гаванью, городом, деревней Пчел, скалами и, собственно, королевским замком. Непосильная задача… Подозреваю, что кто-то из моих подружек прочитал о предстоящем представлении на афишной тумбе, когда родители послали ее в город за корицей. Во всяком случае, Кристина и Эльгамбрия точно умели читать, за остальных я не ручаюсь. И вот мы стояли на одной из площадей — кажется, на площади с львом и тумбой. Однако точно я уже сейчас не вспомню.

Стояли, грызли орехи из бумажных кульков и, задрав головы, ждали представления.

Он появился внезапно, когда никто уже не ждал. Я выронила варежки в тающий снег. Помню, так сильно задрала голову, что красный вязаный берет тоже свалился вниз… Эльгамбрия что-то зачирикала от восторга. И все мы, вся толпа на площади, включая льва, смотрели на бегущего по канату странника, стреляющего во все стороны сгустками ослепительного света. Он двигался над нами, как сбежавшая с небосвода звезда, летел белым неугомонным пламенем. Позже я поняла, что эффект свечения достигался благодаря сложной системе зеркал, отражающих малейшие лучи. Эти зеркала искусные реквизиторы установили в нужных местах: в окнах самых высоких городских башен, в глазницах искусственных сов и петухов-флюгеров, торчащих на шпилях. Кусочки этих зеркал, оправленные в причудливые рамы, были пришиты к сценическому костюму Канатоходца.

Его мастерство проявлялось не только в том, что он стратегически верно установил зеркала василиска и придумал эффектный костюм. Он двигался по канату с невероятной виртуозностью. Казалось, шёл прямо по воздуху — с такого расстояния и при таком свете сам канат, на который ступали его ноги, были почти незаметны. Он танцевал, подпрыгивал, крутился волчком, жонглировал хрустальными шарами и апельсинами…

С тех пор прошли годы, но Канатоходец совсем не изменился. Ничуть не постарел, выглядел таким же стройным, во всяком движении сквозило изящество. Безусловно, лишь лицо его было не особенно симпатичным — из-за определенного дефекта внешности. А именно, из-за гладкости, плоского места вместо обычного человеческого носа он был похож не то на болезненного вида алхимию (про виды живых алхимий я расскажу вам позднее, тема заслуживает того), не то на престарелую фею. Но это лицо. А вот тело его оставалось гибким, мощным.

Он выглядел так, словно у него был заключен тайный договор с Хроносом. С силами ветра и окружающим пространством. Со времен моего отрочества он давал свои представления всё реже. Видеть их довелось лишь немногим из придворных. В последние годы он много странствовал, и возможно, служил для королевы чем-то вроде шпиона. Затем и был нужен, потому она и не приставала к нему с приказом провести новое представление для огромной толпы.

Сейчас все спрашивали его: для чего он привёл с собой из пустыни грязного зверька? К чему при дворе этот василиск? Канатоходец отшучивался: дескать, эти существа порой бывают забавными. А этот ещё и болен — ну не мог он бросить зверя на растерзание голодным песчаным совам и амельским паукам, которые как раз и питаются зеркалами со шкуры василиска. Кроме того, зеркала эти канатоходцу и самому пригодятся для его будущих представлений.

Он говорил всё это, а я следила за тем, как его слушают остальные. Кому-то было явно скучно. Например, леди Охмильфольцен — она зевала, прикрыв рот своим кружевным рукавом. Барон Офланц тоже не проявил ни к Канатоходцу, ни к василиску особенного любопытства — стоял и смотрел в окно, на проплывающие мимо западной королевской башни нагромождения облака. Кроме башен, облака принимали ещё и формы то ли ласточек, то ли альбатросов. Но мне не понравился взгляд Вампира, которым тот смотрел на зверька. Оценивающий и голодный.

Как знать, может, кровь василисков представляет для кровоедов высокую ценность? Конечно, Вампир вряд ли позволит себе укусить зверя, принадлежащего Канатоходцу, тем более — больного.

…Его можно вылечить, заявил тот. Вылечить, и тогда он будет успешно отлавливать крыс в королевских подвалах и на кухне. Якобы, он умеет проходить сквозь стены.

Я подумала: поварята при явлении их взору такой уродливой диковинки наверняка разбегутся врассыпную.

Может, кто и в обморок шлёпнется.

Сомнительная польза…

«Я буду держать его в своей комнате, — сказал Канатоходец. — Он никого не побеспокоит».

Эфемерида разглядывала василиска с любопытством. И сочувствием. Ведь было видно, что скотинка страдает: по обветренным и шелушащимся участкам кожи, которые сквозили между трещинами защитных зеркальных доспехов. На коже выступил пот.

Ему было плохо. Он очень устал.

Не менее интересна оказалась для Чешуйки сестра-лунатик.

Та тоже выглядела больной, словно наглоталась пепла или песка. А ещё, и это уже было вполне объяснимо её лунатической природой, она казалась спящей наяву. Нет, глаза сестры Канатоходца были открыты и не выглядели как глаза слепца или сомнамбулы. Но всё же она напоминала муху, слегка прихлопнутую грубой ладонью.

Им всем, и Канатоходцу тоже, был нужен отдых. В конце концов любопытствующие отстали, и они, все трое, прошли в отведенную комнату, где-то на верхних этажах замка.

А я подумала: было бы неплохо составить гороскоп Канатоходца. С его появлением при дворе явно начнётся беспорядочный вихрь. Возможно, изменится направление ветра. Я это чувствовала, хоть и не могла объяснить, почему интуиция говорит, что теперь в нашем сонном царстве всё придет в движение. Хотелось спросить его о пустыне. Как это — блуждать там, среди чужих кораблей и останков брошенных библиотек? Каково это — пытаться найти потерявшихся в дыму и песчаных бурях василисков? Песчаная буря выглядит как цветок, растущий из сердца пыльной гущи и маслянистых вихрей. Разве в этом хаосе можно хоть что-нибудь найти?

Но преимущество пустынь в том, что кое-какие из них, говорят, граничат со страной ветров.

6

Помню, как я впервые узнала о стране ветров. Мне поведал о ней дед. Он не просто рассказал историю, он ещё и подарил самостоятельно прочерченную стеклянным пером и раскрашенную древними пигментами карту.

Помню, на ней была изображена горная цепь вдоль побережья океана. Незнакомого мне океана. Во всяком случае, на известных мне картах такого названия не нашлось. Было там и два города — близнеца, из коих меня особенно заинтересовал один, изображённый на карте как пятно, но точнее, как розовый шар, ощетинившийся во все стороны длинными волосами-щупальцами. Судя по рисунку на карте, в центре города располагалась огромная круглая площадь, облицованная золотыми пластинами и драгоценными камнями. Кроме площади, в этом городе находился порт, принимающий корабли с людьми и животными крайних к окоему стран, в том числе пускающий граждан любых вероисповеданий.

Но главным притяжением для местных жителей был огромной высоты маяк.

Внутри, что логично, жил смотритель маяка. В нем, кроме сигнального огня и приспособлений за наблюдением за океаном, а также маленькой кухни и гостевых спален, находилось еще и нечто вроде бальной залы.

В этой зале встречались друг с другом ветра.

Да, дед рассказывал именно так, а не иначе, и в его устах это звучало вполне правдоподобно. Хотя по здравому размышлению в такое трудно было поверить. Бальный зал, в окна которого по доброй воле залетают ветры? И, схватившись за руки, танцуют друг с другом? Ветры? Танцуют? Внутри помещения?

Нелегко поверить, доложу я вам. И тем не менее, дед уверял меня, что именно так всё и происходит в стране ветров.

Однажды ты сама это увидишь, говорил он.

Он сидел перед старым трюмо и аккуратными, почти ласковыми движениями наносил на лицо театральный грим. Одновременно он рассказывал о том, как ветры танцуют внутри заброшенного маяка.

Причудливые, сложные и неведомые в наших краях танцы — гавот и цыбульку, менуэт и танго, фокстрот и румбу.

Именно так? Я уточняла из озорства. Дескать, ври, да не завирайся, любимый дед. Но, если он садился на любимого конька, коим, вне всякого сомнения, являлись россказни про страну ветров или стеклянную чащу с трубадурами и терновником — остановить его было трудно. Дед отличался повышенной степенью эксцентричности, но тщательно прятал свои актерские ужимки и тайны не только от моих родителей, но и вообще от всех людей.

Об этом знала только я.

Он вёл двойную жизнь. Но меня не стеснялся, показывая порой краешек обратной стороны своей планеты. Вероятно, он знал: я никому не расскажу. Я никому и не рассказала. И лишь много позже поняла, что он чуял во мне родственную душу. Подобно истосковавшемуся зверю, потерявшему стаю себе подобных. Поэтому и не скрывал от меня свои причуды.

Он любил, когда никто не видит, наряжаться в театральные костюмы, представляя себя Офелией, Дульсиней или мадам Батерфляй. И раскрашивать лицо — в манере старой актрисы. Изящество, с которым лисье манто со звериной мордочкой, глазами и лапками обволакивало ему шею, заслуживало отдельного разговора. Он мог изображать не только женщин, но и королей, полководцев. Животных. Он, как я теперь понимаю, просто был чудаком, который любит перевоплощения и маски. Иногда он рисовал себе лицо циркового клоуна.

Чего стоили только одни его шляпы с кружевом, птичьими перьями, многослойными вуалями, фестонами и бахромой? Позднее, когда я уже жила при дворе и вступила в должность

королевского звездочета, эти шляпы всё ещё возникали в моих снах. Они летали в облаках как журавли, мирно спали в полях среди пшеницы и овса. Появлялись в спокойных снах или нападали в кошмарах, притаившись на чердаках старых домов. Шляпы деда преследовали, гуляла ли я на берегу озера или спала, забравшись в сломанную карету в замковом сарае.

Вот так, нарядившись, например, в образ престарелого дядюшки Гро, как он сам и называл этого персонажа, он рассказывал мне о стране ветров и городе, который на карте был окрашен в светлый карминовый оттенок. О другом городе, синем близнеце, он явно куда знал меньше. А вот о первом…

Я готова была слушать часами, забыв даже про оладьи с липовым медом. Забывала совсем, обо всём. И он рассказывал, не выпуская изо рта длинной деревянной трубки, заправленной полынью и вишнями, перетертыми в труху.

Он говорил — в этой стране диковинно и ошеломляюще не только то, что ветры танцуют вальс внутри маяка.

Он говорил: на праздник являются ветры.

Они залетают в окна.

Их так много, что они путаются в многослойных именах и волосах друг друга. Они с облегчением сбрасывают с уставших ног, копыт и птичьих лапок ботинки и сапоги, а с рук — перчатки из синего стекла.

Их волосы то благоухают дождем, то трепещут, словно пропахшие морской солью пиратские флаги. Иногда они приносят с собой песок и вкус пчелиного воска, а иногда — кусочки яичной скорлупы. Уж не знаю, где они умудряются нацепить на свои волосы, пальцы и одежду как полезные вещи, так и мусор, бормотал дед.

Очень тихо.

Но я его слышала.

Всегда.

Перед тем, как пуститься в пляс, они сбрасывают с себя лишнюю одежду. Давно превратившуюся в лохмотья. Ведь они почти ничего не едят и всегда летают: в горах, где шлифуют свои топорики тролли, среди созвездий, где шепчутся и играют друг с другом в прятки космические искры, над островами среди океана, где плачут сирены.

Ветры летают над пустынями, кружат над извергающимися вулканами и цветущей сакурой. Из пустынь они приносят прилипшие к плащам скелеты ящериц, зерна шалфея и финиковые косточки, с вулканических склонов — тлеющий пепел и перья воронов, из чащоб — сосновые иголки. Всё может пригодиться уважающему себя ветру во время бала — ведь, чтобы выбрать верный и именно Ваш танец, нужна не только музыка, что придаст любому движению необходимый привкус — всё равно, что корица в супе или черный перец в чае. Нужен не только струнный квартет для гавота, запах щучьей чешуи — для танго, сны о жизни в теле пещерной квакши — для румбы. Для ветров важно не только это. Но и прозрачные порывы вдохновения, и воспоминания о старых комодах, полных женских локонов, чьи ручки из олова и керамики изготовлены в форме бабочек.

Дед говорил: были там Ветер-Шут и Ветер-Курительная трубка.

Ветер-Лицо и Ветер-Василиск.

Ветер по имени Ветошь и Ветер-Великан.

Северные, южные и юго-восточные ветра бегали по улицам розового города наперегонки. И жители не просто наблюдали за этим со стороны, а веселились вместе с ветрами. Разумеется, не каждый ветер можно догнать. Точно также, как не всякую звезду можно достать с неба.

Дед говорил: в этом городе не только ветры ведут себя странно, но и дома тоже чудят. На улицах там вместо обычных скучных каменюк и башен стоят живые дома-деревья и дома-ящерицы. Дома, слепленные из глины и павшей листвы. Дома из стекла и дома из мусора.

Есть там и дома с крыльями, умеющие перелетать с места на место. Каждый дом носит свой собственный оттенок кирпичей. Причем цвета их, по словам деда, отличаются говорливостью: синий рассказывает о печали обитателей дома, серебряный — об их мечтах, терракотовый — о количестве улиток, по неосторожности упавших в кастрюлю с супом.

В стране ветров люди вместо жареной рыбы часто едят цветы, предварительно уварив их в меду и сахаре до состояния мармелада.

Жёсткого и резинового, как сапожная подошва.

В качестве домашних питомцев «ветреные» люди вместо собак держат осьминогов, сажая их в просторные круглые бассейны с морской водой, облицованные бирюзой с прожилками чистого золота. Там даже самому захудалому дворнику известно, что у осьминогов можно научиться мудрости.

У тамошних жителей вообще немало экзотических причуд. Например, каждое воскресенье, закинув разноцветные косы за плечи, а сабли — на чердаки, они обедают в обществе оловянного манекена из магазина одежды. Но ведут себя при этом так, словно с ними за столом ест не кукла, а живой член семьи. Сидит и уминает за обе щеки суп с клёцками или абрикосовый щербет. Играют в эту игру они полностью всерьез, поддерживая с манекеном любезную беседу. В конце трапезы кто-то из них со смехом выливает чай манекену за шиворот. После чего все, кто может встать, водят вокруг стола хороводы. А кто не может — спит на месте.

Дед говорил: однажды в том самом приморском городе, который на карте выглядит как розовый мохнатый паук, целый квартал ушёл в другое место.

Вы спросите, как такое может быть? Однако, по словам деда, это вполне могло случится в городе, где конюшни, кафе и булочные были одушевлёнными, имели свой характер, птичьи крылья и черепашьи когти.

Дед рассказывал: однажды воскресным утром, когда желтые листья кленов уже начали прыгать с ветвей, жители квартала, который стоял ближе всего к морю, проснулись не в своих кроватях, а на сыром песке.

Дома, вместе с кроватями, печами, ванными комнатами, календарями на стенах и комодами в углах, исчезли.

Пропали бесследно, словно их корова языком слизала.

Проснулись на рыхлом песке, кое-кто из жителей квартала удивлялся, охал и ахал, бурно жестикулировал. А кое-кто даже пытался петь оперные арии, чтобы быстрее успокоиться. Но другие даже без арий и купания в морской воде понимали: дома просто ушли в другое место. Туда, где им больше нравится.

Люди поняли — вернуть дома вряд ли получится, а вот поискать и вновь вселиться — это можно, если только вашу гостиную уже не облюбовали новые обитатели вроде полосатых енотов. А в спальне не обосновались призраки утонувших моряков. Или сомнамбулы, которые чудом выбрались из своей «невидимой» ямы, где их держит на карантине один из смотрителей маяка.

Дед рассказывал: бегством приморского квартала дело не ограничилось.

На следующей неделе со своего привычного места сбежал рынок.

В пятницу — библиотека.

И тогда жители города, те, что особенно не любили покидать, как они выражались, «насиженный» пейзаж за окном каждый раз, как их дом надумает сбежать, переселились вместе с кухонными принадлежностями, кроватями и летними верандами прямиком на кладбище.

Здесь, даже если твоя кровать надумает сбежать, можно оборудовать себе жилище внутри фамильного склепа.

Неужели жители страны ветров совсем не боятся кладбищ, спрашивала я у деда? Нет, отвечал он.

У них ведь нет обычаев, связанных со страхом перед скелетами.

Все жители страны ветров, как один, безоговорочно верят в вечную жизнь.

На кладбищах у них круглый год цветут розы и сирень. Надгробья удивляют чужеземцев эклектикой и цветовой палитрой росписей по стенам и оградкам: от лимонной и золотой краски до глубокого изумруда и густой, словно запечённая керамика, глазури. Детям дарят погремушки-скелеты, а дамам — керамические подвески в форме светящихся изнутри черепов.

Вот такие чудаки они — эти жители приморского городка в стране ветров. Есть и другие городки, конечно. Там у горожан водились иные повадки.

Дед рассказывал мне: после того, как большая часть жителей поселилась на кладбище, дома перестали свое озорство, вернулись на обычные места.

И в то туманное утро, когда с моря особенно притягательно пахло ржавчиной, солёной рыбой и негой греющихся на камнях морских звёзд, — в то утро, когда графиня снова вышла из особняка и как ни в чем не бывало заказала чашечку кофе, а официант лишь улыбнулся ей и поднес горький и густой как сметана, напиток, — именно тогда горожане поняли, что всё наладилось.

И теперь так и будет — как всегда.

Эта история деда о сбежавших домах — она, конечно, была далеко не единственной.

Обычаи страны ветров завораживали меня с детства, поскольку существа, обитающие там, слишком многое делали не так. Они могли ходить по потолкам и светились по ночам.

Если их настигали одновременно бессонница и ребячливое настроение, они могли запросто замостить улицы своего города сброшенной змеиной чешуей или засахаренными лепестками фиалок вместо камней. Вино у них в кафе наливали прямо в перевернутые, снятые с головы шляпы или в распахнутые ладони.

Жители страны ветров не испытывают особого трепета перед королём. Такого, как мы — перед своей королевой. Они порой смотрят одинаковые со своим правителем сны, потому что он — такой же труженик, как и они, лишенный всяких льгот человек, пусть даже у него и не две, а четыре руки.

Он всего лишь — смотритель маяка.

Дед рассказывал: жил там и святой, похожий на петуха.

И учительница голландского языка, которая ела лишь бублики со сметаной и всегда ходила в библиотеку на главной городской набережной, предварительно сняв с себя всю одежду вплоть до нижнего белья. Свою обнаженную спину она заливала духами под названием «холодный зяблик» — их аромат был похож одновременно и на воспоминание детства, которое никак нарочно не придумаешь, и на мокрые от дождя анемоны.

Подтверждаю, в самом конце весны они пахнут именно так.

Жили там и корабельщики, за которыми следили существа, чья должность именовалась: «ловец ветра». Ловцы одевались в странные наряды с множеством карманов, в которые удобно прятать лассо для молний и ветроловы из проволоки и чистого серебра, выкованные в форме кобр и канареек с широко разинутым клювом.

В волосах у ловцов трепетали вплетённые колокольчики. Сверкали выкрашенные в зеленые и кобальтовые цвета пряди.

Ловцы ветра, по словам деда, были как бы не вполне даже и людьми.

Однако они, будучи то ли призраками, то ли окончательно спятившими сновидцами, следили не за собственной прозрачностью и перевоплощениями, а за корабельщиками. Всё потому, что корабельщики представляли собой лакомый кусок для ловцов. Как сытный обед для голодного.

Дед рассказывал: любой корабельщик носит в себе разные слои ветра: ночную поверхность, дневной бред, утреннее лёгкое дуновение. Поскольку корабельщики умеют создавать свои корабли буквально из ничего, то есть собирают их из брошенных птичьих гнезд, поющих

досок и молчаливых крыш опустевших торговых галерей, они так и говорят всем и вся: для корабля сгодится любой материал.

Лишь бы творить его в правильном месте — лучше всего в открытом море. Именно потому, что любой корабельщик привык к безграничному простору и теряющейся вдали линии горизонта, в бороде каждого представителя их народца прячется особенный вид ветра. Нет лучшего места для ловли ветра, чем борода или зимний сон усталого пожилого корабельщика, на чьем счету имеется пара-тройка построенных в открытом океане кораблей — из мусора, снега, иголок, туземных бус, сброшенных жильцами улиточьих раковин, ржавых водопроводных труб, старых кружев и прочей чепухи. Случались и неприятности. Например, какой-нибудь ловец ветра, окончательно утративший чувство меры и потерявший совесть, прилеплялся к спине корабельщика и становился энергетическим паразитом, высасывая из того не только заблудившиеся ветры, но и все профессиональные навыки. Вроде умения вязать морские узлы, строить мачты из рыбьих скелетов и создавать пиратские фонари буквально из ничего: слез альбатросов, обезьяньего смеха и холодной морской пены.

Корабельщик даже и не сразу осознавал, что к нему пристал паразит, поскольку ловцы ветра умели становиться невидимыми. Дед клялся и божился, что видел однажды такого корабельщика. Якобы, левая сторона его тела была на самом деле телом ловца снов, а голова, что совсем уж нелепо, и вовсе принадлежала сторожу местного ботанического сада. Дед читал об этом корабельщике в дневнике ловца снов, а потом и сам увидел его в собственном ноябрьском сне. Причем запомнился, якобы, лишь его внешний вид и меланхоличное выражение лица, — остальные же подробности сна забылись начисто.

Надо особо отметить, что у деда была славная память. Поэтому подобная ситуация сразу показалась мне нетипичной. Обычно дед помнил свои сны до мельчайших деталей и пересказывал их мне. Не одна мелочь не ускользала от его внимания: вплоть до лестницы-стремянки на берегу реки Сеппа, синей изящной туфельки, лежащей в разинутом рту у мраморной статуи Лаокоона, или миниатюрной полупрозрачной горы, растущей вместо неба внутрь земли.

Дед говорил — в те дни, когда ветры не прилетают на бал в маяке, они плюются пятнами краски в жителей города: из баловства, а может, и ради иных, более серьезных целей. Ветры не спускаются на мостовые, но умудряются выстреливать краской из хитроумных приборов, напоминающих то ли револьвер, то ли маленький театральный бинокль — эти выстрелы похожи одновременно и на озорные плевки, и на ласковый дождь, так что никто из горожан и не думает обижаться или расстраиваться. Они знают, что метка, поставленная ветром, обычно не сулит ничего, кроме удачи.

Дед многое рассказывал о характере этих существ. По его словам, ветры, пойманные недобросовестными ловцами, быстро теряли волосы. Кроме того, у них выпадали зубы и уменьшалась светимость. В стране ветров над созданиями, в честь которых, собственно говоря, страна и обрела свое имя, издевались лишь последние негодяи. И законченные подлецы. Но такие случаи, по словам деда, всё же иногда имели место. Их не замалчивали, поскольку издевательства над ветрами считалось скотством, — сродни каннибализму. О них честно писали в газетах.

Обычно таких хищников-браконьеров ждала незавидная участь — например, утопление в пруду с хищными кувшинками. Смерть от голода в одном из искусственных лабиринтов. Или, в лучшем случае, пожизненное заключение на охраняемом поэтами чердаке. Ну а ветры, разумеется, сразу освобождались из своих темниц. Прежде, чем улететь восвояси в сквозные сталактитовые пещеры и за облака, ветры успевали рассказать следователям о муках пленения.

Они рассказывали, как их держали в клетках в темноте. Они говорили, как их кормили сухим пеплом вместо морской воды, цветочной росы и зеркальных отражений.

Сухой пепел и жесткий песок — убийственная диета для ветра. На таком пайке можно, конечно, выжить. Но при этом ветры почти полностью утрачивают свой свет. Восстанавли-

ваться приходится долго. Помогает многочасовой сон, чай с корицей, браслеты из яичной скорлупы и косы из сухого ковыля и старых птичьих гнезд. Но все эти мелочи имеют чисто прикладной характер — главное для каждого ветра: свобода. Танцы на балу в маяке.

Прыгать, вращаться, устраивать завихрения и слушать, как тебе хлопают восхищенные люди, и наблюдать за тем, как и в конце концов бабочки пускаются в пляс с тобой — вот то, что нравится любому уважающему себя ветру. Ну и ещё, безусловно, полёты. Вверх, вниз, в тишину и стынь, в лаванду и на маковое поле, на мельницу и в завиток морской волны — куда только ветер не суёт свои пальцы. И свой любопытный нос.

Что еще рассказывал дед о стране ветров?

Его было не остановить, когда он начинал разбирать со мной разновидности ветров. Иногда он показывал мне искусные зарисовки. Были в его тетрадях и рисунки других существ, которые, по словам деда, обитали исключительно в потоках воздуха. Например, он говорил, что одно время в стране ветров жили еще и дымы, причем между ветрами и дымками имелась некоторая взаимная неприязнь. Точно также, как есть репейный, канареечный, бахромчатый и озерно-гладкий ветры, так есть и всевозможные дымы. Например, дым большой и дым маленький.

7

До того, как я попала в королевский двор, судьба достаточно меня пошвыряла, так что не только пришлось, но и захотелось приложить все усилия, чтобы прижиться на этих холодных скалах.

По утрам я упоённо, нарциссично пялилась в запотевшие зеркала и примеряла церемониальные наряды: вот это подойдёт для чаепития в саду, а это — для показательного выговора Восьмого Перевёрнутого вверх тормашками шпиона. Удравшего намедни из Мальчишечьих земель.

Привыкание к здешней роскоши и ритуальной бессмысленности, впрочем, произошло быстро. Вскоре я уже зевала во время утреннего сгибания колен перед синим идолом, стоящим в ногах нашей королевы. В ту минуту, когда она упивалась кофе с каплей вишневого ликера. Я зевала, синхронно прикрывая рот вместе с церемониймейстером Сквошем, Вампиром и Эфемеридей.

И только принудительное присутствие на казнях приводило меня в дрожь, потому что к такому зрелищу я не смогла привыкнуть. Да и как можно спокойно относиться к бессмысленной жестокости?

Казни… Об этом можно писать лишь отдельно. Обособленной главой. С чистого листа. Пока я не готова сделать это. Однажды соберусь с силами и решусь, быть может.

Сумеют ли эти загубленные души начать всё с чистого листа? Эфемерида говорила, что это вроде бы возможно. Якобы, призраки казнённых иногда являются ей в медитациях.

Очень осторожных и аккуратных медитациях, нужно тут заметить.

Она утверждает, что многие из казнённых притворных придворных, особенно те, что пострадали незаслуженно, превращаются после казни в ночных мотыльков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.